

Франция в экономической системе Европейского союза: непохожий второй

О.В. Буторина

Институт Европы РАН

Франция и Германия традиционно играют ведущую роль в выработке экономической политики Европейского союза. Немецкий ордолиберализм и французский дирижизм составляют двуединый концептуальный стержень европейской экономической интеграции. Выход Великобритании из ЕС изменил конфигурацию ядра объединения, четвёрка крупнейших государств-членов превратилась в тройку. Происходящее на этом фоне усиление роли Германии, с одной стороны, повышает статус франко-германского тандема, а с другой, делает положение Франции в объединении всё более зависимым от её реального экономического веса.

Цель статьи – проследить, как меняется положение Франции в экономической системе Европейского союза, вскрыть важнейшие долгосрочные тенденции и на их основе сделать прогноз о потенциальном изменении баланса сил в системе экономического управления группировки. Для этого сначала изучается кадровое присутствие представителей Франции в высших органах экономического управления ЕС в исторической ретроспективе, суммируется вклад французской школы общественной мысли в развитие экономической и валютной политики Сообщества. Далее с опорой на данные международной статистики проводится сравнительный анализ важнейших макроэкономических показателей Франции и её партнёров по Евросоюзу: динамики ВВП, населения и душевых доходов, а также состояния торгового баланса и расходов на НИОКР.

Исследование показало, что традиционно Франция была представлена в высших эшелонах экономического управления Европейской комиссии больше, чем любая другая страна ЕС. Франция является второй экономикой Евросоюза и останется таковой в ближайшие десятилетия. Однако её доля в совокупном ВВП ЕС постепенно снижается, тогда как доля в населении, наоборот, растёт. По величине доходов на душу населения Франция находится на 10-м месте в ЕС и имеет ощутимые проблемы в части международной конкурентоспособности. При сохранении нынешней динамики к концу текущего десятилетия некоторые важные макроэкономические показатели Франции опустятся ниже средних по ЕС, что затруднит её причисление к странам ядра. Это увеличит асимметрию франко-германского тандема и осложнит задачу экономического управления Евросоюзом.

Ключевые слова: Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Европейская комиссия, экономическая политика, демография, конкурентоспособность, международная торговля, расходы на НИОКР

УДК: 339.92:061.1EU(44+430)

Поступила в редакцию: 30.07.2024

Принята к публикации: 13.09.2024

На протяжении всей истории Европейского союза Германия и Франция – как страны-основательницы – играют роль идейного и организационного двигателя интеграции. В январе 2019 г. в немецком городе Ахен канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон подписали договор о сотрудничестве и интеграции. Согласно его букве, тесное франко-германское сотрудничество является средством дальнейшего продвижения Европейского союза по пути социальной и экономической конвергенции, усиления экономического и валютного союза, завершения внутреннего рынка и повышения конкурентоспособности. При этом исследователи обоснованно отмечают присущие тандему разногласия, в частности относительно путей реализации «зелёной сделки» (Громыко 2022; Белов 2023).

Основной исследовательский вопрос данной статьи: как меняется положение Франции в экономической системе ЕС, какие здесь существуют устойчивые тенденции и как они могут повлиять на баланс сил в системе экономического управления группировки?

Имеющуюся на эту тему научную литературу можно разделить на три тематических блока.

Подходу Франции к европейской интеграции посвящены работы отечественных авторов Е.О. Обичкиной, С.М. Фёдорова, Ю.И. Рубинского и А.А. Синдеева. В них в основном исследуются вопросы политики, безопасности и в меньшей степени – экономики (Обичкина 2007; Фёдоров 2018; Фёдоров 2021; Рубинский и Синдеев 2021; Тимофеев и Хорольская 2021; Михайлов 2023). Зарубежные авторы изучают роль Франции в развитии европейской экономической интеграции, её идейный и практический вклад в реализацию конкретных проектов и разрешение кризисов (Lovering 2023; Warlouzot 2019; Schild 2020; Schramm and Krotz 2023).

Социально-экономическая политика Франции, состояние её экономики и отдельных отраслей рассматриваются в ряде работ российских исследователей (Трофимова 2015; Лапина 2020; Белов 2019; Зимаков 2019; Клинова 2024). Работы зарубежных исследователей посвящены вопросам структурных реформ во Франции и проблеме конкурентоспособности национальной промышленности (Sapir 2015; Burton and Kizior 2021; Giordano and Zollino 2016; Giordano and Zollino 2016).

О влиянии процессов, происходящих в мировой и европейской экономике, на экономическую политику Франции размышляют как российские, так и зарубежные исследователи. Первые рассматривают вопросы рыночной стратегии компаний и реакции на экзогенные шоки (Конина 2022; Миркин 2020; Ревенко и Ревенко 2021). Вторые более пристально изучают возникшие в последнее время внутри экономической системы ЕС диспропорции и искажения (Hein 2019; Covi 2020; Garcia Calvo and Coulter 2022).

Данное исследование выполнено на теоретической базе международной политической экономии, одна из центральных идей которой состоит в том, что международные экономические отношения неотделимы от субъектов, которые их регулируют и контролируют. Автор исходит из предпосылки, что возникающие в международной политике властные отношения зависят от реального экономического потенциала актора. То есть возможности Франции влиять на процесс реформирования системы экономического управления ЕС рано или поздно будут реагировать на изменение её экономического веса в ЕС, тогда как солидные институциональные и дипломатические ресурсы страны могут только отсрочить или смягчить появление такого отклика.

Для достижения поставленных целей был проведён сравнительный анализ показателей международной статистики баз данных UNCTADstat и Eurostat. Для выявления долгосрочных тенденций и ключевых соотношений выстроены длинные ряды и произведены расчёты. Нижней хронологической границей в большинстве случаев выбрана первая половина 1990-х гг., откуда берут начало статистические ряды международных организаций после объединения Германии. Интерпретация полученных количественных результатов проведена с привлечением выводов, полученных другими авторами при помощи качественных и количественных методов.

Статья состоит из четырёх тематических разделов. В первом разделе представлен обзор кадрового присутствия граждан Франции в высших органах экономического управления Евросоюза на протяжении его истории. Показан идейный и организационный вклад Франции в формирование экономической политики ЕС, отмечено историческое и актуальное значение французского дирижизма. Второй раздел посвящён анализу показателей ВВП Франции с выделением долгосрочных тенденций и обоснованием питающих их причин. Третий раздел включает сравнительное исследование демографической динамики во Франции и её влияния на показатели благосостояния. Для корректной интерпретации результатов исследована общая картина конвергенции и дивергенции стран ЕС по душевым доходам, выявлены и математически обоснованы значимые тенденции. Предметом четвёртого раздела является международная конкурентоспособность французской экономики. Исследованы динамика важнейших показателей участия Франции в мировой товарной торговле, движение сальдо внешней торговли в его абсолютном и относительном выражении, а также валовые и душевые расходы на НИОКР в сравнении с соответствующими показателями других стран ЕС.

В заключении сформулированы основные полученные по итогам исследования выводы. Сделан прогноз движения показателей, определяющих место Франции в экономической системе ЕС; обозначены связанные с предстоящими изменениями риски для франко-германского тандема, а также для всей системы управления Европейским союзом.

У руля экономической политики ЕС

Стоя у истоков западноевропейской интеграции, Франция в лице её государственных и общественных деятелей, мыслителей и учёных, а также многочисленных служащих международных организаций и учреждений сыграла ключевую роль в формировании экономической стратегии Европейских сообществ, а затем и современного Европейского союза.

Путь к созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) начался с декларации, оглашённой в мае 1950 г. министром иностранных дел Франции Робером Шуманом. Автором концепции явился Жан Монне, общественный деятель и руководитель программы послевоенного восстановления французской экономики. Именно Монне, которого теперь называют отцом-основателем европейской интеграции, предложил начать процесс объединения с экономической сферы, что отвечало насущным потребностям участвующих стран и не затрагивало наиболее чувствительные для национального суверенитета сферы, такие как национальная безопасность, оборона и внешняя политика.

Франция была единственной из трёх крупных стран – основательниц Европейских сообществ (наряду с Германией и Италией), прошлое которой не было отягощено фашизмом. Этот факт в значительной мере определил то важное место, которое она заняла в экономической системе ЕЭС, а потом и Европейского союза. Можно предположить, что изначальное недоверие участников группировки к Германии стало основанием для негласной, но весьма устойчивой практики назначения граждан Франции на ключевые экономические посты в органах исполнительной власти ЕС. При этом в Германии после войны успешно развивалась школа социального рыночного хозяйства, а Италия дала миру бухгалтерский учёт и заложила основы финансовой науки.

Жан Монне возглавлял первый состав высшего руководящего органа ЕОУС, а по истечении трёхлетнего мандата передал пост соотечественнику Рене Майеру. Представители Франции возглавляли все три комиссии Евратома до июля 1967 г., когда руководящие органы трёх объединений (ЕОУС, Евратома и ЕЭС) были слиты воедино.

В первых составах Комиссии ЕЭС на протяжении 16 лет (1957–1973 гг.) французы в лице Робера Маржолена и Раймона Барра возглавляли её наиважнейший экономический и финансовый блок, одновременно занимая посты вице-председателя. Маржолену принадлежит авторство двух первых меморандумов о создании в ЕЭС полномасштабного экономического союза и общего фонда золотовалютных резервов. Барр разработал первый официально утверждённый план построения европейского валютного союза, которому было суждено рухнуть под обломками Бреттон-Вудской валютной системы. До практи-

ческой реализации дожил единственный, но важный элемент – механизм коллективного плавания европейских валют. Его конструкция легла в основу заработавшей с 1973 г. «валютной змеи» (Seidel, Dyson and Maes 2016: 52–53).

В 1973–1977 гг. Комиссию ЕЭС возглавлял Франсуа-Ксавье Ортоли, в прошлом министр экономики и финансов Франции и генеральный комиссар по планированию. В следующих двух составах Комиссии он являлся вице-председателем и одновременно ведал вопросами экономики, финансов, кредита и инвестиций, оставаясь в этой должности до конца 1984 г.

Главной заслугой Ортоли стало превращение «валютной змеи», которая действовала вне институциональных рамок ЕЭС и управлялась из швейцарского Базеля, в полноценный инструмент валютной политики Сообщества. Результатом этой работы стало создание в марте 1979 г. Европейской валютной системы (ЕВС) на основе договорённостей, достигнутых в декабре 1978 г. на встрече президента Франции Валери Жискар д'Эстена и канцлера Германии Гельмута Шмидта. ЕВС обладала собственной расчётной единицей ЭКЮ (название дал Ортоли) и гораздо более изощрёнными, по сравнению со «змеёй», инструментами стабилизации валютных курсов. Ортоли многое сделал для того, чтобы расширить сферу обращения ЭКЮ и создать условия для её эмиссии коммерческими банками (James 2012: 95, 130–131, 201).

С января 1985 г. Комиссию возглавил Жак Делор, взявшийся оживить застывавший интеграционный процесс посредством увязывания интересов правительств и крупного бизнеса. За десять лет пребывания у власти ему удалось реализовать грандиозную программу Единого внутреннего рынка (с четырьмя свободами) и добиться заключения договора о Европейском союзе, который легитимизировал поэтапный план строительства Экономического и валютного союза с единой валютой. Как председатель Комиссии Делор оставил за собой вопросы денежно-кредитной и валютной политики, курировавший экономическое досье член Комиссии от Германии получил его без финансовой составляющей.

В Комиссии Жака Сантера (1995–1999) сферой экономической и финансовой политики управлял француз Ив-Тибо де Силги. В следующей по хронологии Комиссии Романо Проди (1999–2004) французы Паскаль Лами и Мишель Барнье отвечали за вопросы торговли и региональной политики соответственно. Тот же Барнье во второй Комиссии Баррозо (2009–2014) ведал вопросами внутреннего рынка. В Комиссии Юнкера (2014–2019) экономическое и финансовое досье находилось в руках француза Пьера Московиси. В ныне действующей Комиссии Урсулы фон дер Ляйен французский топ-менеджер и государственный деятель Тьерри Бретон ведал вопросами внутреннего рынка.

Таким образом, 60 лет из всей 65-летней истории Европейского союза (если вести отсчёт от создания ЕЭС) представители Франции находились на вершине управления его экономической политикой. Они либо возглавляли Комиссию, как

Делор и Ортоли, либо руководили её важнейшим экономическим и финансовым досье, а в отдельные годы курировали вопросы внутреннего рынка или торговли. Только в течение первого срока председательства Баррозу (2004–2009) француз Жак Барро, будучи вице-председателем, не имел экономического досье, он курировал вопросы транспорта, безопасности, свободы и правосудия.

Более точный подсчёт даёт следующие результаты. С января 1958 г. по конец текущего 2024 г. (когда истекает мандат нынешней Комиссии фон дер Ляйен) представители Франции и Германии возглавляли Комиссию по 14 лет, а представитель Италии – пять лет¹. При этом во главе экономического и финансового направления французы находились в течение 31,5 года, немцы – восемь лет, а итальянец – пять лет. За это же время политику в области внутреннего рынка французы курировали около 10 лет, немцы – 14 лет, итальянцы – неполные 13 лет².

По неписаному, но незыблемому правилу, Франция вместе с тремя другими крупнейшими странами еврозоны – Германией, Италией и Испанией – всегда имеет своего представителя³ в исполнительной дирекции Европейского центрального банка (ЕЦБ). По истечении восьмилетнего мандата одного француза на его место приходит другой. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что за 25 лет существования ЕЦБ половину этого времени он возглавляется гражданами Франции. Первым главой в течение ½ стандартного срока (а именно четыре года) был голландец Вим Дуйзенберг, в 2003–2011 гг. президентское кресло занимал француз Жан-Клод Трише, далее его сменил итальянец Марио Драги, а с 2019 г. на очередной восьмилетний срок заступила Кристин Лагард.

Представленные факты позволяют утверждать, что кадровое присутствие французов в высших эшелонах экономической власти ЕС остаётся на протяжении десятилетий непропорционально высоким. Количественно оно явно превосходит представительство Германии и тем более Италии, что трудно связать с экономическим весом Франции или результатами её хозяйственной политики. Такое доминирование, по-видимому, является данью традиции и уходит корнями в историю. После Второй мировой войны положение ФРГ долгое время оставалось принижённым, а стремление её партнёров ограничить экспансию немецкого бизнеса имело всем понятные основания. В 1990-е годы в контексте объединения Германии эти опасения вернулись на политическую сцену в новом измерении.

¹ Имеются в виду одна комиссия Ф.-К. Ортоли и три комиссии Ж. Делора (Франция); две комиссии В. Хальштейна и одна У. фон дер Ляйен (Германия); а также одна комиссия Р. Проди (Италия).

² Подсчёт на основе данных: List of European Commissioners by member state. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_European_Commissioners_by_member_state (accessed 14.10.2024)

³ Официально члены дирекции не являются представителями того или иного государства, а, согласно мандату, руководствуются в своей деятельности исключительно общими интересами еврозоны.

Другое объяснение следует связать с богатыми традициями французского социально-гуманитарного знания и дипломатии. Здесь уместно вспомнить, что составленная Франсуа Кенэ в 1758 г. экономическая таблица произвела большое впечатление на Адама Смита и сыграла роль пролога в процессе становления политической экономии как науки (Холопов 2008: 95–104). Поскольку с начала XVIII в. французский являлся языком международного общения, он стал основным рабочим языком руководящих органов ЕОУС и ЕЭС с момента их учреждения. Значение английского поднялось во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., особенно после вступления в ЕЭС Великобритании и Ирландии. Французский язык доминировал в деятельности Комитета управляющих центральными банками стран ЕЭС, который вырабатывал основные решения в сфере валютного сотрудничества. С даты основания комитета в мае 1964 г. повестки дня заседаний составлялись только по-французски, с марта 1975 г. их стали печатать и по-английски. Но стенограммы и протоколы заседаний ещё несколько лет оформлялись по-французски. Хотя Европейская комиссия имеет три официальных рабочих языка – французский, английский и немецкий – последний никогда не имел сколько-нибудь широкого применения в её документообороте. Аналогичным образом немецкий мало используется в работе Европейского центрального банка, расположенного во Франкфурте-на-Майне.

Франция внесла крупный вклад в формирование идейной базы экономической политики ЕС. Немецкий ордолиберализм и французский дирижизм, по общему признанию, составляют двуединый концептуальный стержень европейской экономической интеграции. Причём, если в начале столетия казалось, что дирижизм всё больше становится историческим реликтом, то после мирового экономического кризиса и кризиса еврозоны его актуальность резко повысилась. Было признано, что опыт французского дирижизма не только повлиял на отдельные направления общей политики ЕС (например, научно-техническую), но и способствовал становлению концепта социального рыночного хозяйства (Warloutzet 2019).

Внимательный взгляд на практику управления еврозоной показал, что, хотя все основополагающие принципы ЭВС изложены в терминах ордолиберализма (бюджетная дисциплина, приоритет ценовой стабильности и высокая степень независимости ЕЦБ), их применение остаётся весьма гибким. Оно всегда осуществлялось в режиме межгосударственной координации, а не принудительного исполнения правил. На деле французское индикативное планирование сыграло важную, пусть и неявную, роль в превращении главных межгосударственных договорённостей в долгосрочные механизмы управления (Lovering 2023).

Когда же в пандемию COVID-19 от правительств потребовались решительные действия сначала для борьбы с распространением инфекции и оказания массовой медицинской помощи населению, а затем – для поддержания жизнеспособности экономики, французский опыт планирования окончательно вернулся на политическую сцену. Причём это касалось не только Европы.

В общем случае наименьшие людские и материальные потери от пандемии понесли страны, которые быстро ввели максимум ограничений и обеспечили высокую дисциплину населения. Напротив, англо-саксонская и шведская либеральные модели дали высокий уровень потерь, особенно среди уязвимых групп населения (Миркин 2020).

Одной из реакций французских властей на пандемию стало возрождение в сентябре 2020 г. Высшей комиссии по планированию. Сегодня актуальность планирования возрастает на фоне объявленного Евросоюзом двойного перехода – климатического и энергетического. По наблюдению одного из наиболее авторитетных французских экономистов Жака Сапира, многие исследователи и эксперты склоняются к мысли, что реализовать каждую из этих целей возможно только в рамках планирования. Французский опыт может быть ценным ещё и потому, что французы научились поддерживать прозрачность и демократичность соответствующих процедур, снижая риск свойственных планированию ошибок и злоупотреблений (Сапир 2022).

Французский след отчётливо виден в современной конструкции экономической системы ЕС в виде её протекционистской, крайне дорогостоящей и плохо поддающейся реформированию Общей сельскохозяйственной политики. Именно Франция настояла на том, чтобы аграрная политика стала краеугольным камнем объединения и включила в себя механизмы гарантирования доходов фермерских хозяйств. Без этого французы не соглашались создавать общий рынок сельскохозяйственных товаров (Harst, Dumoulin 2014; Josling and Swinbank 2013, Verdun and Tovias 2013).

Франция с самого начала решительно препятствовала развитию наднациональных функций институтов Сообществ. Выдвинутая де Голлем идея «Европы отечеств» предполагала высокую степень независимости национальных правительств, чем противостояла федералистской по своей сути идее Соединённых Штатов Европы. В первой половине 1960-х гг., когда интеграция развивалась особенно динамично (что создавало базу для федерализации), Франция с целью давления на партнёров игнорировала заседания общих органов Сообществ. Возникший на этой почве «кризис пустого кресла» был урегулирован в 1966 г. Заключённый тогда «люксембургский компромисс» на долгие годы отсрочил переход Совета ЕС от единогласного принятия решений к голосованию квалифицированным большинством.

Полученный опыт наложил глубокий отпечаток на механизмы экономической политики Евросоюза. Более полувека спустя, уже в первой четверти XXI в., он во многом объясняет трудности на пути становления банковского союза и объединённого рынка капиталов стран еврозоны. Дух голлистской «Европы отечеств» с её приматом национальных интересов пропитывает современную налоговую политику ЕС, где национальные ставки корпоративных налогов сильно разнятся, а малейшее движение в сторону их гармонизации наталкивается на активное сопротивление.

Вопреки устоявшемуся мнению, будто главным поборником валютного союза в ЕС была Германия, на самом деле в течение многих десятилетий идею настойчиво продвигала Франция. Сказанное не отменяет того, что Германия стала главным бенефициаром валютного союза, избавившись от непосильного давления валютных рынков на немецкую марку и притягивая к себе инвестиции со всего Евросоюза.

Французский экономист и государственный деятель Жак Рюэфф первым заговорил о системном изъёме Бреттон-Вудской валютной системы. Он показал, что существовавший во всём мире высокий спрос на американскую валюту позволял Соединённым Штатам покрывать дефицит платёжного баланса за счёт увеличения краткосрочной внешней долларовой задолженности. Феномен, получивший название «дефицита без слёз», поощрял экспорт капиталов из США и приводил к импорту инфляции странами, куда эти капиталы направлялись, то есть Западной Европой (Rueff and Hirsch 1965; Rueff 1971; Цит. по: Смыслов 1979: 290–291).

Данное положение составило идейную пару так называемому парадоксу Триффина, согласно которому золотодевизный стандарт не может поддерживаться долгое время, поскольку он создаёт в мировой экономике неразрешимое противоречие. Высокий внешний спрос на доллары стимулирует их эмиссию, а она не позволяет поддерживать фиксированный курс доллара к золоту. Оба этих представления органично вписались во внешнеполитическое кредо де Голля, который стремился избавить свою страну и Европу в целом от диктата доллара.

На французской почве вскрытые Триффиным и Рюэффом пороки Бреттон-Вудской системы дали обильные интеллектуальные всходы и способствовали оформлению взгляда «монетаристов» на цели и методы европейской валютной интеграции. Сторонники данного подхода – во главе с Францией – уже с 1960-х гг. настаивали на объединении резервов центральных банков стран ЕЭС и учреждении европейского валютного фонда с перспективой введения единой валюты. Для Франции с её относительно слабым французским франком такая замена была способом избавиться от давления валютного фактора на экономическую политику. Противоположный стан «экономистов» возглавила Германия. Наибольшей ценностью для неё была ценовая стабильность. Предпосылками валютного союза «экономисты» объявляли жёсткую бюджетную дисциплину и тесную координацию макроэкономической политики государств-членов (Буторина 2019). Созданная в рамках Европейской валютной системы расчётная единица именовалась ЭКЮ, аббревиатура совпадала с названием имевшей широкое хождение в средние века французской золотой и серебряной монеты.

Уточним, что деление на «монетаристов» и «экономистов» применительно к валютному сотрудничеству в ЕЭС – часть узкоспециального жаргона. Термины не имеют ничего общего с общепринятым значением рассматриваемых слов и поэтому заключаются в кавычки. Несколько упрощая, можно сказать, что при

создании Европейского валютного союза «монетаристы» ставили во главу угла его денежную, или монетарную, составляющую. Они добивались введения общей валюты, но считали необязательным координацию национальных макроэкономических курсов. «Экономисты», наоборот, считали, что сначала надо обеспечить подлинную экономическую конвергенцию государств-членов и создать механизмы эффективной координации их макроэкономической политики, а уже потом ставить вопрос о единой валюте (Danescu 2012).

Два названных течения практически полностью определяют современное наполнение Экономического и валютного союза (ЭВС), а также заложенный в нём потенциал сотрудничества и противоречий. В настоящее время, когда Пакт стабильности и роста фактически мёртв, а маастрихтские критерии стали архаикой, французский упор на валютную (а не на экономическую) составляющую ЭВС при определяющей роли наднационального института представляется куда более практичным, чем это было до мирового финансового кризиса и пандемии COVID-19.

Исследователи обоснованно отмечают ведущую роль Германии и Франции в дискуссии о будущем Европейского валютного союза и всей системы экономического управления в ЕС. Как правило, эти две страны формулируют совместные позиции, которые потом определяют повестку дня дальнейших переговоров. Вклад других стран, в том числе Центральной и Восточной Европы, оказывается менее заметным. Так, в январе 2018 г. авторитетная группа французских и немецких экономистов обнародовала доклад о путях реформирования ЭВС (Bènassy-Quère et al. 2018). В июне того же года по итогам встречи канцлера Германии А. Меркель и президента Франции Э. Макрона была принята мезебергская декларация – своего рода европейская программа тандема на ближайшие 5–10 лет. Документ предлагал создать бюджет еврозоны, реформировать механизмы выделения финансовой помощи государствам-членам, а также дополнить Общую сельскохозяйственную политику ЕС мерами обеспечения продовольственной безопасности (Фёдоров 2018; Blesse, Havlik and Heinemann 2021; Micossi and Peirce 2020; Schild 2020).

Несмотря на солидный идейный, организационный и кадровый вклад в экономическую политику ЕС, Франция с большой долей скепсиса восприняла перспективу объединения Германии. Не случайно при создании ЭВС Франция в лице президента Ф. Миттерана стремилась прочнее связать Германию обязательствами перед партнёрами и таким образом создать противовес её возросшей экономической мощи (Обичкина 2007). Свершившееся в 2004–2007 гг. расширение Евросоюза на восток окончательно сместило баланс сил внутри объединения в пользу Германии.

Вторая экономика Евросоюза

Франция является второй по величине национальной экономикой Европейского союза и была таковой на протяжении большей части его истории. Страна сохранила за собой эту позицию и после того, как в 1973 г. к ЕЭС присоединилась Великобритания, которая, как и Италия, превосходили Францию по численности населения.

Италия догоняла Францию по объёму ВВП со второй половины 1970-х гг. до начала 1990-х. Но после резкого обесценения итальянской лиры в 1992–1993 гг. в ходе кризиса Европейской валютной системы этот тренд пресёкся и больше не возобновлялся. Великобритания же с конца 1990-х гг. стала превосходить Францию по размеру национальной экономики. Если бы не Брекзит, Франция сильно рисковала переместиться со второй на третью строку в списке крупнейших экономик Евросоюза, особенно в свете быстрого роста населения Британии (Рис. 1).

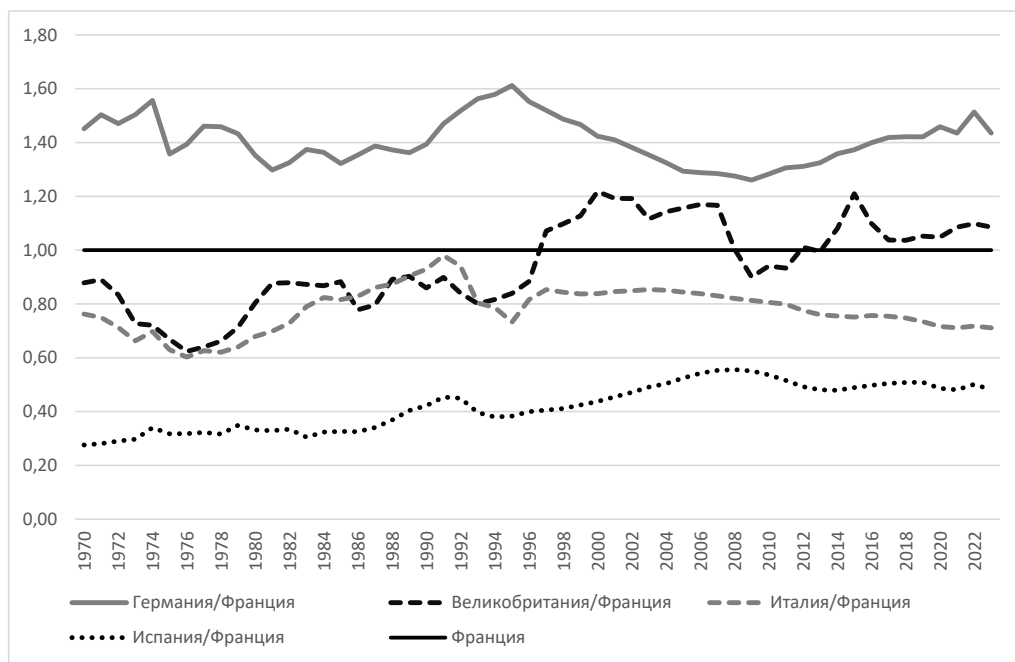

Рисунок 1. Соотношение ВВП Франции и крупнейших стран Европы в 1970–2022 гг., Франция = 1,00.

Figure 1. Proportion of the largest European economies' GDP from 1970 to 2022, France = 1,00.

Источник: составлено на основе данных в текущих ценах базы UNCTADstat: Output and income/gross domestic product, US dollars at current prices.

Объединение Германии увеличило её ВВП с 1400 млрд долл. в 1989 г. до 1770 млрд долл. в 1990 г., или на 26%. Данный факт, а также бурный рост немецкой экономики в первое после объединения пятилетие (на фоне беспрецедентных финансовых вливаний в восточные земли) решительно изменили соотношение сил в пользу Германии. В 1995 г. немецкий ВВП превышал французский в 1,6 раза.

Оценивая указанную пропорцию в период до 1999 г. (до введения евро), следует принимать во внимание движение обменных курсов. Французский франк всегда был менее стабильной валютой, чем западногерманская марка. Для франка были характерны волны удорожания по отношению к большинству других свободно конвертируемых валют, которые завершались пересмотром центральных курсов Европейской валютной системы (а ещё раньше – выходом из «валютной змеи»), то есть официальной девальвацией.

Использованная в Рис. 1 официальная статистика ЮНКТАД составлена на основе официальных курсов национальных валют к доллару США. Поэтому в периоды, когда французский франк был фактически переоценён (например, на рубеже 1970–1980-х гг.), отношение французского ВВП к немецкому быстро увеличивалось. Достигнув по итогам 1981 г. локального максимума, показатель двинулся вниз вследствие серии девальваций франка с октября 1981 г. по март 1983 г. Аналогичные скачки происходили в соотношении ВВП Франции и Нидерландов. С этой точки зрения, статистические данные в евро (которые используются для составления Рис. 2) лучше подходят для межстрановых сравнений.

Со второй половины 1990-х гг. на протяжении двух десятилетий французская экономика догоняла немецкую, что объяснялось не столько высокими темпами роста у первой, сколько низкими у второй: Германия на этом историческом отрезке являлась «больным человеком Европы». После глобального финансового кризиса 2008 г. тенденция переломилась. На протяжении большей части 2010-х гг. Германия демонстрировала более высокие темпы роста, чем Франция. Как следствие, разница между абсолютными величинами ВВП двух стран увеличилась с 510 млрд евро в 2009 г. до 1300 млрд евро в 2022 г., то есть в 2,5 раза. По итогам 2023 г. ВВП Германии был больше французского на 46%, данное соотношение находилось примерно посередине характерного для последних 50 лет коридора значений⁴.

В отношениях с южными соседями по ЕС Франция занимает устойчиво сильные позиции. Отставание итальянской экономики началось с середины 2000-х гг. и усилилось после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Наблюдавшийся со времени вступления Испании в ЕС в 1986 г. длинный цикл её опережающего развития прервался в 2008 г., и пока признаки возвращения

⁴ До объединения Германии при расчёте использована сумма показателей ФРГ и ГДР.

на прежнюю траекторию просматриваются слабо. Хозяйственные и социальные потрясения в Греции привели к тому, что если в 2009 г. французский ВВП был больше греческого в восемь раз, то в 2023 г. – уже в тринадцать.

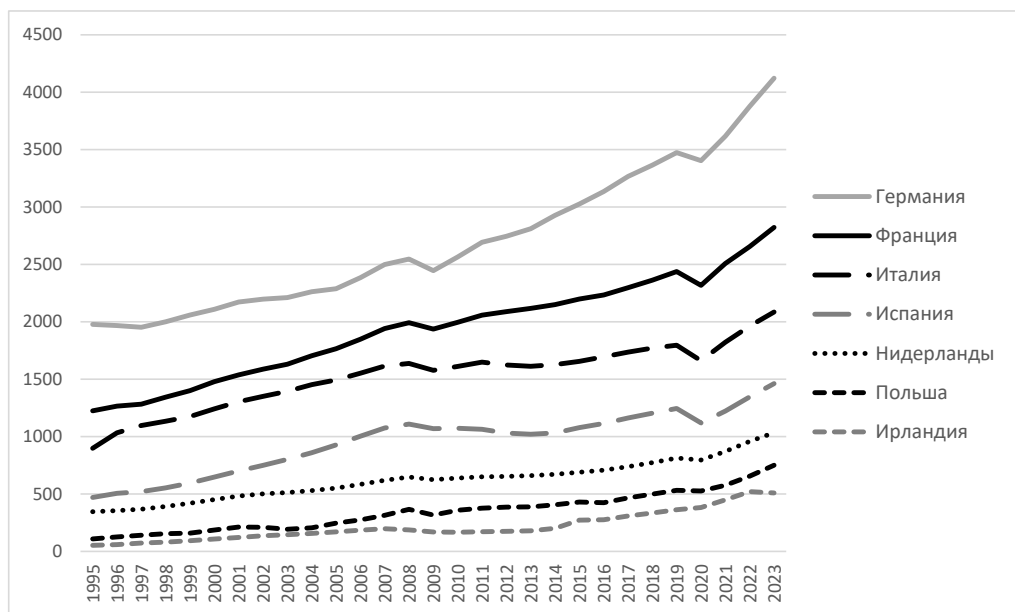

Рисунок 2. ВВП некоторых стран ЕС в текущих ценах в 1995–2023 гг., млрд евро.

Figure 2. GDP of EU countries at current prices from 1995 to 2023, in billion euros

Источник: Eurostat – Table GDP and main components (output, expenditure and income).

Несмотря на успехи на южном направлении, доля Франции в общем ВВП ЕС-27 медленно, но неуклонно снижается. С 1995 г. по 2023 г. она уменьшилась с 19,3% до 16,6%. Весь нисходящий тренд можно разделить на три периода. Первый (1995–2008 гг.), когда ежегодно страна теряла по 0,1 процентных пункта в год. На втором отрезке (2009–2014 гг.) произошла стабилизация доли Франции в общесоюзном ВВП, что было связано с глобальным кризисом, кризисом еврозоны и медленным восстановлением во многих странах-партнёрах. Характерно, что в это время доля страны в ВВП еврозоны (в её современной композиции из 20 государств) даже увеличилась. Но как только в 2014 г. большинство государств ЕС вступили в фазу роста, доля Франции начала снижаться ещё быстрее. В условиях наблюдавшегося в 2023 г. общего замедления европейской хозяйственной деятельности процесс приостановился (Табл. 1).

Долгосрочной причиной снижения доли Франции в совокупном ВВП Евросоюза является ускоренное развитие хозяйств Польши, Ирландии, Чехии и Румынии, а также в меньшей степени Венгрии, Словакии, Болгарии и трёх стран Балтии. Вместе с вернувшейся к ритмичному росту Германией они теснят позиции французской экономики. Здесь важно отметить различие между Францией

и некоторыми другими «старыми» западноевропейскими экономиками, лишёнными, как и она, динамических преимуществ формирующихся рынков. Нидерланды, Бельгия, Австрия, Швеция и Финляндии на протяжении десятилетий удерживают свои доли в ВВП Евросоюза, даже если делать расчёт с начала 1990-х гг. – за десятилетие до восточного расширения ЕС. Однако Франция вместе с Италией и Испанией год за годом уступает своё место новым государствам-членам, а также Ирландии и Германии, уверенно набравшей ускорение после окончания глобального финансового кризиса.

Таблица 1. Доли отдельных стран в ВВП ЕС-27 в 1993–2023 гг., %
Table 1. Percentage share of the European Union’s GDP from 1995 to 2003, by member state

TIME	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Германия	31,2	26,8	23,9	23,4	24,8	25,3	24,7	24,4	24,3
Франция	19,3	18,8	18,5	18,2	18,0	17,2	17,1	16,6	16,6
Италия	14,2	15,8	15,6	14,7	13,6	12,3	12,4	12,2	12,3
Испания	7,4	8,2	9,7	9,8	8,8	8,3	8,3	8,5	8,6
Нидерланды	5,5	5,7	5,8	5,8	5,6	5,9	5,9	6,0	6,1
Польша	1,7	2,4	2,6	3,3	3,5	3,9	3,9	4,1	4,4
Швеция	3,2	3,6	3,3	3,4	3,7	3,6	3,7	3,5	3,2
Бельгия	3,5	3,3	3,2	3,3	3,4	3,4	3,5	3,5	3,5
Ирландия	0,8	1,4	1,8	1,5	2,2	2,8	3,0	3,2	3,0
Австрия	2,9	2,7	2,7	2,7	2,8	2,8	2,8	2,8	2,8
Дания	2,2	2,3	2,2	2,2	2,2	2,3	2,3	2,4	2,2
Финляндия	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,7	1,6
Чехия	0,7	0,9	1,2	1,4	1,4	1,6	1,6	1,7	1,9
Румыния	0,5	0,5	0,8	1,2	1,3	1,6	1,7	1,8	1,9
Прочие страны	5,2	5,9	7,0	7,5	6,9	7,2	7,3	7,6	7,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано по данным Eurostat – Table GDP and main components (output, expenditure and income).

В чём причины такого положения? Первая коренится в истории и связана с традиционно высокой ролью французского государства в экономике, его приверженностью кейнсианским рецептам. Вторая причина возникла сравнительно недавно как результат накопившейся внутри еврозоны структурной асимметрии.

Франция позже других западноевропейских стран отозвалась на неолиберальный сдвиг 1980-х гг. Проведённая в 1982 г. правительством социалистов национализация ухудшила состояние государственных финансов и привела к нарушению макроэкономического равновесия. Вскоре её сменила кампания по приватизации, первый этап которой прошёл в 1986–1988 гг., а второй начался в 1993 г. в связи с планами создания в ЕС единого внутреннего рынка. Хотя дерегулирование рынков, включая финансовые, и переход к фискальной

дисциплине были в основном завершены к концу 1990-х гг., французский вариант либерализма отличался умеренностью и сохранял черты традиционной для страны социально-экономической модели (Хрусталёва 2004; Somai 2019: 156).

Мировой финансовый кризис обернулся для Франции затяжной стагнацией, которая была отмечена хроническим дефицитом госбюджета и быстрым нарастанием государственного долга. Высокий уровень налогов и обязательных отчислений в кассы социального страхования, по которым Франция лидирует среди стран ОЭСР, стимулировали утечку капиталов и производств за рубеж. Это, в свою очередь, усилило процесс деиндустриализации и усугубило наиболее острую социальную проблему страны – безработицу (Рубинский 2018: 248–249).

После кризиса в стране развернулась дискуссия о путях экономического и промышленного возрождения. Однако выбранные президентом Н. Саркози, а затем продолженные Ф. Олландом инструменты макроэкономического управления свидетельствовали об отступлении от реализованной в 1990-е гг. политики либерализма и возврате к дирижизму (Garcia Calvo and Coulter 2022). Значительная часть французского общества, привыкшая полагаться на гарантии «государства-хранителя» (фр. – *Etat-Providence*) была не готова принять применённые в других европейских странах неолиберальные антикризисные меры, что стало одним из триггеров охватившего страну в 2018–2019 гг. движения «жёлтых жилетов» (Обичкина 2019).

Как до мирового финансового кризиса, так и после него главным источником роста французской экономики выступает внутренний спрос, прежде всего, частное и государственное потребление. Если до кризиса такая ситуация была характерна для всей еврозоны, то позже многие страны перешли к экспортоориентированной модели роста. Однако французская хозяйственная модель почти не претерпела изменений. Следствием этого стало возникновение крупного отрицательного сальдо торгового баланса и дефицита по текущим операциям (Hein 2019).

Второй причиной, как уж отмечалось, стал «аутоиммунный» механизм накопления структурных диспропорций внутри зоны евро. Введение в 1999 г. единой европейской валюты должно было содействовать ещё большей конвергенции национальных хозяйств и финансовых рынков стран - участниц Экономического и валютного союза (ЭВС). По замыслам, формирование столь крупного экономического пространства могло усиливать эффект масштаба и за счёт этого поощрять экономический рост и занятость. Однако введение единой валюты наряду со многими преимуществами дезактивировало ранее действовавшие автоматические стабилизаторы экономики. Одним из главных среди них был валютный риск. Ранее он затруднял накопление долгов относительно слабыми экономиками: нерезиденты опасались девальвации их валют и не давали ссуды в национальных деньгах, а резиденты по тем же соображениям неохотно

брали кредиты в иностранных, более устойчивых, денежных единицах. Когда в результате введения евро валютный риск исчез, шлюзы открылись, и страны с ранее слабыми валютами (Франция, Испания, Италия, Греция) начали стремительно наращивать частные и государственные заимствования.

Просчёты в архитектуре ЭВС выявились при первом серьёзном испытании – в ходе мирового финансового кризиса 2008 г. К этому времени внутри еврозоны уже образовались две группы стран: первая с устойчивым профицитом торгового баланса (Австрия, Бельгия, Германия и Нидерланды) и вторая – с хроническим дефицитом торгового баланса (Италия, Испания, Португалия и Франция). Таким образом, возникли основания преобразовать ранее существовавшее в экономической литературе деление стран ОЭСР на группы в зависимости от главного драйвера экономического роста на первые, где двигателем выступает заработная плата, и на вторые, где двигателем является прибыль (англ. – *wage-led growth*, *profit-led growth*). Предложенное деление, уточним, выполнялось при помощи эконометрического анализа на выборке из 18 стран ОЭСР в период 1980–2013 гг. (Stockhammer and Wildauer 2016).

В новой классификации, уже внутри еврозоны, страны были разделены на те, где рост зависит от динамики долга и от динамики экспорта (англ. – *debt-led growth*, *export-led growth*). Поскольку механизмы формирования спроса, потоков международной торговли и заимствований тесно взаимосвязаны, возникают условия для формирования радикально отличных моделей роста. Со временем экспортоориентированные экономики всё больше выигрывают от нарастающей задолженности ориентированных на внутренний спрос (и, соответственно, на импорт) партнёров по еврозоне. Постепенно асимметрия выгод не только усиливается, но и становится самоподдерживающей, то есть воспроизводит себя. Как следствие, пути экономического развития ядра и периферии еврозоны всё больше расходятся (Covi 2020). Франция в этом механизме асимметричного распределения выгод оказалась на нижней ступеньке иерархии – вне круга победителей.

Если на протяжении 2004–2019 гг. отношение государственного долга к ВВП во Франции составляло 85%, то в 2020 г. оно поднялось до 115%. В последующие три года данное соотношение несколько снизилось – до 111% по итогам 2023 г. Однако, согласно прогнозам Европейской комиссии, позитивная тенденция не получит продолжения в среднесрочной перспективе. Как ожидается, в 2025 г. размер государственного долга увеличится до 114% ВВП вследствие постоянного и значительного (свыше 5% ВВП) дефицита госбюджета, растущих процентных платежей и вялого экономического роста. Отрицательным останется в середине текущего десятилетия сальдо торгового баланса и баланса по текущим операциям. Для сравнения: в Германии отношение госдолга к ВВП снизилось с 70% ВВП в 2004–2019 гг. до 64% по итогам 2023 г. К концу 2025 г. оно, как

ожидается, сократится ещё на полтора процентных пункта. При этом традиционно положительное сальдо баланса по текущим операциям составит в 2024–2025 гг. около 7% ВВП⁵.

Месту Франции как второй экономики Евросоюза в обозримом будущем ничто не может угрожать, поскольку Италия развивается медленнее, а Великобритания покинула интеграционную группировку. При этом доля Франции в совокупном ВВП объединения, скорее всего, будет и дальше снижаться на фоне опережающего роста Нидерландов, Ирландии, а также стран Центральной и Восточной Европы. Чем более динамичный рост покажет в ближайшие годы немецкая экономика, тем сложнее будет Франции угнаться за северным соседом, тем больше асимметрии и внутреннего напряжения будет накапливаться внутри франко-германского тандема. При том что после ухода Великобритании альтернативы ему не существует в принципе.

Медленное развитие французской экономики усугубляет проблему одинокого лидерства Германии в Евросоюзе. Следует ожидать, что в этой обстановке на Берлин ляжет основной груз институционального реформирования еврозоны. В целом же Германия обречена в ближайшие годы и, вероятно, десятилетия исполнять роль «гегемона поневоле», то есть возглавлять объединение без необходимой опоры на партнёров (Schoeller 2020; Newman 2015).

Демография и уровень жизни

Согласно данным Евростата, в 2023 г. общая численность населения Франции составляла 68,2 млн чел., в Германии проживало 84,4 млн чел., в Италии – 59,0 млн чел. Для Франции характерны высокие, по европейским меркам, темпы роста населения. Так, если общее население 27 стран Евросоюза за период с 1993 г. по 2023 г. увеличилось на 6%, то во Франции – на 15%. Быстрее население росло только в католической Ирландии, а также в Испании и Швеции⁶. Тем временем в ряде стран – а именно в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литве, Эстонии и Греции – происходила абсолютная убыль. Соответственно, за указанные 28 лет доля Франции в совокупном населении Евросоюза увеличилась с 13,9% до 15,1%. Следует особо выделить, что высокая демографическая динамика присуща Франции на протяжении всего послевоенного периода.

Во второй половине XX в. по темпам роста населения она опережала Германию, Великобританию и Италию вдвое или даже втрое. Если в середине XX в. Италия превосходила Францию по численности населения, то теперь две страны – основательницы ЕС поменялись местами (Рис. 3.)

⁵ European Commission. European Economic Forecast. Institutional paper 286, May 2024, pp. 89, 95.

⁶ Из выборки исключены Люксембург, Кипр и Мальта с населением менее 1 млн чел.

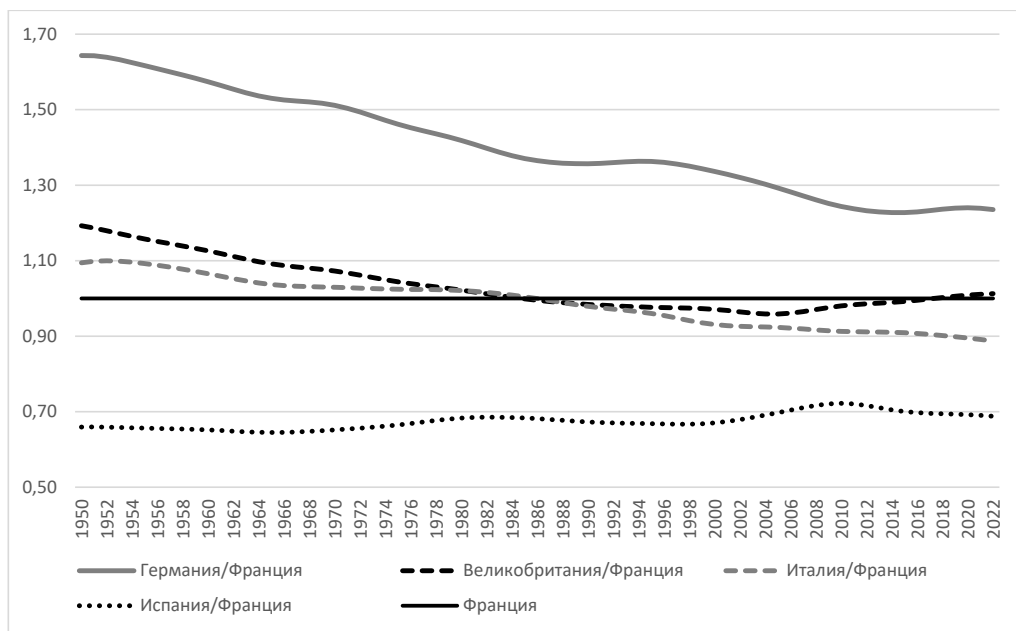

Рисунок 3. Соотношение численности населения Франции и других крупнейших стран Европы в 1950–2023 гг.

Figure 3. Proportion of the largest European countries' population from 1950 to 2023, France = 1,00

Источник: составлено на основе данных UNCTADstat: Table – Total and urban population, annual

Франция выделяется среди соседних государств повышенной долей молодых людей в общей численности населения и нетипичным для региона Южной Европы репродуктивным поведением. Люди в возрасте до 20 лет составляли в 2022 г. 23% всего населения Франции, тогда как в Германии и Испании на эту группу приходилось по 19%, а в Италии и Португалии – по 18%. Французские мужчины раньше вступают в брак и становятся отцами, чем их сверстники в других государствах ЕС. Так, в 2020 г. доля детей, родившихся у отцов в возрасте до 29 лет включительно, составляла в Греции 12%, в Испании и Италии – 14%, в Германии – 20%, а во Франции – 24%⁷. Причём обнаруженная разница не объясняется повышенной пропорцией молодых людей в общей численности французского населения⁸.

⁷ 2022 Demographic Yearbook, 73-rd issue. United Nations 2023. Table 7 – Population by age, sex and urban/rural residence, pp. 259–266; Table 11 – Live births and live birth rates by age of father: latest available year, pp. 409–411.

⁸ Для проверки тезиса о более раннем отцовстве во Франции была вычислена доля мужчин в детородном возрасте 20–29 лет в названных странах. Во Франции в 2022 г. она составляла 11,7%, в Греции – 10,6%, в Италии – 10,7%, в Испании – 10,9%, а в Германии – 12,0%. То есть, разница в возрастной структуре не объясняет разницу в статистике рождений. Расчёт по данным: 2022 Demographic Yearbook, 73-rd issue. Table 7. Population by age, sex and urban/rural residence, pp. 257–269.

Есть основания полагать, что эти различия обусловлены культурными факторами. В настоящее время во Франции проживает 9 млн мигрантов (лиц, родившихся в других государствах), на которых приходится 13,2% всей численности населения страны⁹. Причём самую многочисленную группу среди них составляют выходцы из Северной Африки. Тогда как, например, в Италию и Испанию мигранты прибывают в основном из других регионов Европы и Латинской Америки¹⁰.

В общем виде графики удельного веса Франции в населении ЕС и в его совокупном ВВП двигаются в разных направлениях. Первый идёт вверх, а второй – вниз. Итог этих «ножниц» очевиден: по уровню душевых доходов Франция постепенно теряет позиции.

Если по размеру экономики Франция прочно занимает второе место, то по уровню благосостояния, то есть по душевому ВВП, она находится на десятом месте среди государств - членов Евросоюза. Гораздо выше располагаются Люксембург (хотя его уровень ввиду малых размеров страны и выраженной хозяйственной специфики трудно сравнивать с показателями других государств-членов), а также бурно развивающаяся Ирландия, чей ВВП удвоился после окончания кризиса еврозоны. Впереди также находятся Дания, Нидерланды, Австрия, Швеция, Бельгия, Финляндия, и Германия. Такая очерёдность и, соответственно, десятое место Франции в списке наиболее состоятельных государств Евросоюза, остаются неизменными на протяжении всего XXI в.¹¹. Последняя перестановка произошла в самом конце 1990-х гг., когда Францию обошли Финляндия и Ирландия.

Анализируя место Франции среди всех стран Евросоюза по уровню душевых доходов, следует сначала обрисовать общее состояние этого распределения и обозначить происходящие в нём долгосрочные тенденции. Первой важной и устойчивой характеристикой данного распределения является то, что наибольшая часть государств-членов (17 из 27) имеют показатель ниже средневзвешенной величины. Как следствие, статистическая медиана находится ниже среднего значения (Табл. 2). Если в первой десятке душевой ВВП составлял в 2023 г. от 41 тыс. евро во Франции до 119 тыс. евро в Люксембурге, то во второй группе из 17 стран он находился в интервале от 15 тыс. евро в Болгарии до 35 тыс. евро в Италии.

Две выделенные группы демонстрировали разную динамику: в первой происходили центробежные, а во второй – центростремительные процессы. Относительно богатая группа постепенно расслаивалась, в первую очередь за счёт

⁹ Подсчитано по: Eurostat, Table - Population on 1 January by age group, sex and country of birth.

¹⁰ World migration report, 2022, pp. 89, 202.

¹¹ С той только разницей, что в последние годы Австрия, Нидерланды и Бельгия перемещались вверх в списке лидеров, а Швеция и Финляндия, наоборот, смещались вниз.

растяжения верхнего края вследствие быстрого роста душевых доходов в Люксембурге и Ирландии. Расслоение захватило и оставшиеся восемь государств, хотя и в гораздо меньшей степени. Общий коэффициент вариации (без учёта Люксембурга) повысился с 11% в 2000 г. до 32% в 2022 г. Без Ирландии показатели составили 12% и 15% соответственно.

Во второй группе из 17 менее обеспеченных стран происходило обратное: там наблюдался выраженный и неуклонный процесс консолидации. Коэффициент вариации понизился с 70% в 2000 г. до 26% в 2022 г.¹² Как следствие, группа стала даже более сплочённой, чем первая десятка. Сближение происходило и снизу, и сверху, то есть его питали как положительные, так и негативные тренды. После 2010 г. быстрый рост душевых доходов происходил в Румынии, Болгарии, Латвии, Литве, Эстонии, Польше, а также в меньшей степени в Венгрии и Чехии. Тем временем Италия, Испания и Португалия медленно восстанавливались после мирового финансового кризиса 2008 г. Сильно пострадавшие от кризиса суверенных долгов еврозоны Греция и Кипр столкнулись с продолжительным снижением душевых доходов. В этой группе сначала мировой финансовый кризис, а затем кризис еврозоны положил конец существовавшему ранее расщеплению на три части, где первая была представлена одной Италией, средняя – Испанией, Кипром, Грецией, Португалией, Словенией и Мальтой, а нижняя включала остальные 10 стран Центральной и Восточной Европы.

Поскольку Франция занимает последнюю строчку среди стран первой группы, правомерен вопрос: происходит ли в ЕС общая конвергенция, приближается ли вторая группа к первой? В абсолютном выражении разрыв между среднеарифметическими показателями душевого ВВП в первой группе (без учёта Люксембурга) и во второй группе увеличился с 19,5 тыс. евро в 2000 г. до 32 тыс. евро в 2023 г. Хотя относительная величина этого разрыва¹³ уменьшилась с 53% до 39%. То есть относительное отставание второй группы медленно сокращается, но абсолютное значение разрыва увеличивается.

Таблица 2. ВВП на душу населения в странах ЕС-27 в 1995–2023 гг., евро

Table 2. GDP per capita in the European Union from 1995 to 2023, in euros

	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
ЕС-27	14 900	18 370	22 010	24 900	27 500	30 050	37 610
Медиана	9 910	13 230	18 130	20 150	21 170	23 630	31 235
Люксембург	39 020	52 680	65 100	83 650	95 070	102 350	118 770
Ирландия	14 680	28 520	40 940	36 710	56 120	75 350	96 290
Дания	27 040	33 350	39 280	43 840	48 050	53 410	63 290
Нидерланды	22 380	28 380	33 760	38 470	40 730	45 670	57 840
Австрия	23 190	26 660	30 890	35 390	39 890	42 720	52 370
Швеция	23 150	32 140	34 970	39 950	46 480	46 420	51 000
Бельгия	21 730	25 010	29 590	33 330	36 960	39 910	49 720

¹² Рассчитано по данным Евростат. Table -Main GDP aggregates per capita [nama_10_pc].

¹³ Рассчитано стандартным методом путём деления разности величин на их сумму.

	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Финляндия	20 100	26 360	31 390	35 080	38 570	43 040	49 280
Германия	24 320	25 890	28 130	31 940	37 050	40 930	48 770
Франция	20 570	24 280	27 960	30 690	33 020	34 080	41 330
Италия	15 800	21 800	25 680	26 940	27 480	27 950	35 350
Испания	11 840	15 970	21 240	23 040	23 230	23 630	30 320
Франция/Германия	0,85	0,94	0,99	0,96	0,89	0,83	0,85
Франция/Бельгия	0,95	0,97	0,95	0,92	0,89	0,85	0,83
Франция/Италия	1,30	1,11	1,09	1,14	1,20	1,22	1,17
Франция/Испания	1,74	1,52	1,32	1,33	1,42	1,44	1,36
Франция – ЕС-27	5 670	5 910	5 950	5 790	5 520	4 030	3 720
Франция/ЕС-27	1,38	1,32	1,27	1,23	1,20	1,13	1,09

Примечание. Последние две строки отражают соотношение между ВВП на душу населения во Франции и в среднем по ЕС. Данные в предпоследней строке представляют собой разность показателей Франции и ЕС-27. Данные в последней строке представляют собой частное от деления показателя Франции на показатель ЕС-27.

Источник: данные и расчёт по Eurostat, Table – Main GDP aggregates per capita. [nata_10_pc]

Франция очень медленно отклоняется вниз от показателей благосостояния в странах-партнёрах по ядру ЕС. Её положение облегчается тем, что на предпоследней строчке первой десятки находится Германия – крупнейшая экономика Евросоюза. Если от Бельгии Франция отставала по размеру душевого ВВП с конца 1990-х гг., то отставание от Германии началось после мирового финансового кризиса. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. показатели двух стран, наоборот, сближались. Сложившиеся пропорции и долгосрочные тенденции позволяют утверждать, что в ближайшие 10, а, вероятно и 20 лет, десятое место Франции в рейтинге наиболее обеспеченных стран ЕС сохранится. Идущая следом за ней Италия возглавляет список стран второй группы, причём её отставание от Франции значительно увеличилось после мирового финансового кризиса. Преодолеть его в обозримой перспективе не смогут ни Италия, ни следующие за ней Мальта, Кипр, Испания и Словения.

Определяющим для позиционирования Франции в ЕС является то, что её показатели благосостояния сейчас находятся выше среднего значения и значительно выше соответствующей медианы. Однако внимательный взгляд на цифры помогает уловитьстораживающие сигналы. Дело в том, что отрыв Франции от средневзвешенного ВВП на душу населения во всём Евросоюзе постепенно сокращается – как в абсолютном, так и в относительном измерении (см. последние две строки Табл. 2). Причём после 2020 г. показатели стали сближаться особенно быстро. Согласно простой экстраполяции, при сохранении динамики 1995–2015 гг. французский ВВП на душу населения сравняется с общим для ЕС в 2040 г. Если же возобладает динамика 2015–2023 гг., то это произойдёт до 2030 г., то есть буквально через несколько лет.

Подобный сдвиг имел бы большое психологическое значение: в такой ситуации Францию уже будет трудно причислить к ядру объединения. Воспрепятствовать этому по существу дела может решительное повышение национальных темпов роста. Избежать неприятной перемены чисто статистически позволило бы новое расширение ЕС, когда его членами стали бы страны с низкими показателями душевых доходов.

Кластерный анализ показывает, что если в 1960–1969 гг. по показателям валового национального дохода на душу населения и стоимости произведённой промышленной продукции Франция относилась к полупериферии ЕС (в составе 28 стран), то во все последующие периоды она принадлежала к странам ядра. Вместе с тем сама конфигурация ядра в 2010–2018 гг. изменилась: из довольно сплочённого и чётко очерченного оно превратилось в более растянутое с размытой нижней границей. При этом Франция наряду с теперь уже вышедшей из Евросоюза Британией находилась в нижней части распределения (Weissenbacher 2020: 240–243).

Данное положение не противоречит высказанному ранее тезису о том, что внутри еврозоны (а не всего Евросоюза) Франция в силу сложившейся экономической модели оказалась на периферии. Её потери от ухудшения баланса по текущим операциям стали своего рода зеркальным отражением выгод, получаемых Германией и Нидерландами. Парадокс заключается в том, что именно французские политические элиты начиная с конца 1950-х гг. добивались создания европейского валютного союза, видя в нём способ раз и навсегда справиться со слабостью французского франка.

Авторитетный французский экономист Жак Сапир относит рост населения к структурным факторам, которые создают дополнительную нагрузку на национальную экономику. В периоды, когда реальный ВВП находится в состоянии стагнации, рост населения при неизменных механизмах распределения приводит к механическому снижению душевых доходов. Поскольку общество всегда сопротивляется попыткам правительства сократить расходы на социальные нужды, результатом становится повышение сборов и налогов. Таким образом власти борются с дефицитом государственного бюджета и с дефицитом торгового баланса. Особо следует отметить, что вследствие мирового экономического кризиса французы в 2009–2010 гг. впервые за всю послевоенную историю столкнулись с абсолютным снижением ВВП на душу населения (Sapir 2015). Правда, в последнее время французские власти действуют жёстче, примером чему стал пенсионный кризис 2023 г. Хотя против повышения пенсионного возраста выступили и парламент, и семь основных профсоюзных объединений, президент Э. Макрон директивно провёл реформу (Лункин 2023: 190).

Второе крупное падение душевых доходов произошло на фоне пандемии COVID-19. По итогам 2020 г. французский ВВП сократился на 7,5%, а душевой ВВП – на 7,9%. Снижение оказалось более выраженным, чем в среднем по Евросоюзу, для которого аналогичные показатели составили 5,6% и 5,7%

соответственно. Хотя сокращение душевого ВВП во Франции в 2020 г. не было исключением для крупных стран Западной Европы, ещё хуже дела обстояли в Италии, Испании и Великобритании. Докризисный уровень доходов на душу населения, то есть его абсолютную величину в 2019 г., Франция смогла преодолеть только в 2023 г. – одновременно с Испанией. Италия и Британия сумели перейти рубеж годом раньше¹⁴.

Международная конкурентоспособность

Модернизация национального хозяйства и поддержание международной конкурентоспособности – главные задачи экономической политики французского государства на протяжении многих десятилетий. До начала ХХI в. к ним добавлялась ещё одна хроническая проблема – обеспечение стабильности отечественной денежной единицы. Попытки проводить политику сильного франка, которая способствовала бы притоку капиталов в страну (и препятствовала их оттоку), а также позволяла бы компаниям закупать по эффективным для себя ценам иностранное оборудование, предпринимались и в 1930-х гг. в ответ на события Великой депрессии, и в 1980-х гг. – на фоне резко возросшей нестабильности доллара. До введения евро во Франции сложился своего рода порочный круг: повторяющийся дефицит платёжного баланса приводил к ослаблению национальной валюты и росту инфляции, ответные девальвации на время стимулировали экспорт и улучшали платёжный баланс, но усложняли модернизационную задачу.

После того, как с января 1999 г. в оборот была введена единая европейская валюта, ожидалось, что проблема исчезнет *per se*. Её внешняя часть, которая являлась следствием накопившихся в экономике диспропорций, действительно осталась в прошлом. Банк Франции больше не страдает от давления финансовых рынков на курс франка. Но глубинная внутренняя часть, а именно несбалансированность внешних расчётов, сохранилась и даже усилилась. В отсутствие тревожных сигналов с валютного рынка власти не считали нужным вовремя приступить к корректирующим мероприятиям.

За последние полвека доля Франции в мировой торговле выраженно уменьшилась (Табл. 3). Сам этот факт не должен вызывать повышенного внимания, поскольку в этот период происходило общее снижение доли ЕС (в его нынешнем составе 27 стран) в мировой торговле. Процесс особенно усилился после того, как в 2000-е гг. начался подъём Китая и других быстрорастущих стран Азии, чьи товары стали вытеснять продукцию европейских производителей с внешних рынков.

¹⁴ Данные и расчёт по: European Commission, European Economic Forecast, Autumn 2023. European Economy, Institutional Paper 258, p. 171.

Таблица 3. Франция в мировой торговле товарами в 1970–2023 гг.

Table 3. France in the international merchandise trade from 1970 to 2023

	1970	1980	1990	2000	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Доля в мировом экспорте, %	5,7	5,7	6,2	5,1	3,4	3,1	2,8	2,6	2,5	2,7
Доля в мировом импорте, %	5,9	6,6	6,7	5,1	4,0	3,4	3,3	3,2	3,2	3,2
Доля в совокупном экспорте ЕС-27, %	14,1	15,7	15,8	15,1	11,0	10,3	8,9	8,8	8,6	9,0
Доля в совокупном импорте ЕС-27, %	14,2	16,5	17,2	15,6	12,9	12,4	11,3	11,0	11,0	11,2
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	–1,4	–21,1	–23,5	–11,3	–87,3	–64,5	–92,7	–130,1	–200,4	–137,4
Отношение сальдо к импорту, %	–7,1	–15,4	–9,8	–3,4	–14,3	–11,3	–15,9	–18,2	–24,5	–17,5

Источник: данные и расчет по UNCTADstat: International merchandise trade/ Tables Trade value and volumes; Trade Balance, percentage of imports

Более внимательный взгляд на происходящее позволяет обозначить два пункта уязвимости Франции, которые нехарактерны для Евросоюза в целом. Первый – более заметное снижение доли Франции в мировом экспорте, нежели в мировом импорте. Если в 2000 г. два показателя имели одинаковую величину, то с 2020 г. между ними наблюдается зазор в размере 0,5–0,7 процентных пункта. При этом абсолютные и относительные величины дефицита торгового баланса Франции нарастали год от года. Вторая особенность – снижение доли Франции в совокупном товарообороте всех стран Евросоюза, особенно в экспорте. Иными словами, Франция утрачивала позиции на внешних рынках быстрее, чем её партнёры по ЕС. На протяжении XXI в. её удельный вес в совокупном экспорте объединения уменьшился с 15,1% в 2000 г. до 9,0% 2023 г. (Табл. 3).

Вспыхнувшая в 2020 г. пандемия COVID-19 привела к резкому падению французского экспорта. В долларовом выражении всего за один год поставки уменьшились на 14%, что явилось наихудшим показателем среди стран ЕС¹⁵ и более чем вдвое превысило среднее для объединения шестипроцентное сокращение. В том же году Германия, Италия и Испания испытали семипроцентное снижение товарного экспорта, а такие страны, как Польша, Ирландия, Эстония и Хорватия сумели нарастить отгрузки товаров за границу.

Елисейский дворец поспешил на помощь экспортёрам и уже в 2020 г. внедрил серию льгот, включая преференциальные режимы страхования. Обнародованный осенью того же года план восстановления французской экономики включал в качестве составной части План возобновления экспорта (фр. – Plan de relance des exportations). Введённые им экстренные меры продолжали действовать

¹⁵ За исключением Люксембурга.

до середины 2022 г. (Ревенко, Ревенко 2021). Эти усилия достигли цели. Уже по итогам 2021 г. провал в объёмах экспорта был преодолён, и стоимость зарубежных поставок превысила уровень докризисного 2019 г.

К концу 2023 г. стоимость вывезенных из Франции товаров достигла 649 млрд долл., что на 14% превышает показатель 2019 г. Масштаб этого достижения, однако, не стоит переоценивать. В целом по ЕС стоимость экспортных поставок в 2023 г. превысила уровень 2019 г. на 24%¹⁶. Иными словами, французский экспорт показал меньшую устойчивость к внешнему шоку, чем экспорт из других стран ЕС.

Наглядную картину долгосрочного изменения позиций Франции в мировой товарной торговле даёт сравнение относительных величин её торгового баланса с аналогичными показателями всего Евросоюза и отдельных его государств-членов. На Рис. 3. хорошо видно, что в течение 1993–2023 гг. Франция перешла от нулевого или умеренного положительного сальдо торгового баланса к устойчивому и всё более нарастающему отрицательному сальдо.

Особенно быстро относительная величина дефицита нарастала с 2004 г. по 2011 г. Для всего ЕС основную часть исследуемого 30-летнего периода показатель находился в зоне положительных значений. В Германии отношение профицита торгового баланса к импорту в отдельные годы доходило до 25% и даже превышало этот уровень, в Нидерландах указанное соотношение, как правило, держалось выше 10-процентной отметки.

Интересен пример Италии, которая, как и Франция, сильно пострадала от мирового финансового кризиса 2008 г., а затем – от долгового кризиса еврозоны. Однако, в отличие от Франции, Италия только в течение восьми лет (2004–2012) имела негативное сальдо торгового баланса, тогда как с 2010 г. его состояние начало быстро улучшаться. Возникший у Италии в 2022 г. дефицит был быстро купирован, и по итогам 2023 г. страна вернулась к традиционному для неё положительному сальдо. Это тем более неожиданно, что Франция заметно опережает Италию по показателям расходов на науку и технологическое развитие.

Ещё более контрастным выглядит сравнение с Польшей. Пережив глубокий трансформационный шок, страна в конце 1990-х гг. имела колоссальный дефицит торгового баланса – до 40% от стоимости импорта. Но буквально за считанные годы страна добилась нулевого сальдо. Ухудшение показателя вследствие мирового финансового кризиса последовательно преодолевалось, и с середины 2010-х гг. поставки польских товаров за рубеж устойчиво превышают по стоимости ввоз импортных товаров (за исключением кризисного 2022 г.). Причём результат получен в условиях, когда по абсолютным и душевым расходам на ИОКР Польша значительно уступает Франции.

¹⁶ Данные и расчёт по: UNCTADstat, Table – Merchandise: Total trade and share, annual

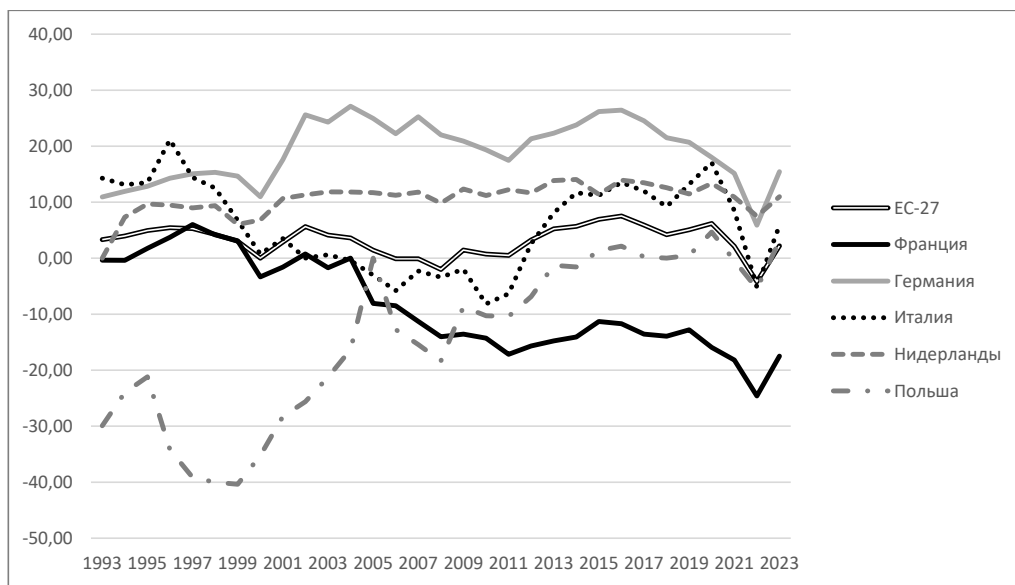

Рисунок 3. Отношение сальдо торгового баланса к стоимости импорта стран ЕС в 1993–2023 гг., %

Figure 3. Trade balance of EU countries from 1993 to 2023, percentage of imports

Источник: UNCTADstat: Table – Trade Balance, percentage of imports

Комплексное исследование причин, по которым торговый баланс Франции показывает в последние два десятилетия негативную динамику и находится в худшем состоянии, чем у стран ЕС в целом, не входит в задачу данной статьи. Поэтому автор считает возможным ограничиться изложением гипотез, проверка которых стала предметом других исследований. Согласно первой гипотезе, Франция проигрывает от колебаний курса евро к доллару и другим ключевым валютам. Согласно второй гипотезе, на конкурентоспособности её экспорта негативно сказываются ценовые и неценовые факторы.

В первом случае авторы исходили из предположения об асимметричном влиянии курса доллара, фунта стерлингов и иных третьих валют на динамику международной торговли отдельных государств еврозоны. Причиной такой асимметрии может быть неодинаковое географическое распределение и товарное наполнение экспортно-импортных потоков. Как следствие, изменение эффективного курса евро может по-разному отражаться на торговом балансе. Проведённое исследование подтвердило факт неравномерного воздействия курсовой динамики евро на торговлю стран – участниц валютного союза. Выяснилось, что удешевление евро улучшает состояние торгового баланса Франции, а также Германии, Ирландии, Италии, Нидерландов и Португалии. Удорожание евро ухудшает состояние торгового баланса Финляндии, Ирландии, Италии и Португалии. Только Германия выигрывает и от понижения, и от повышения курса

единой валюты. То есть, Франция вместе с Нидерландами находится на второй строчке в списке бенефициаров: они выигрывают от удешевления единой валюты и не проигрывают от её удорожания (Bahmani-Oskooee and Mohammadian 2019). Иными словами, динамика эффективного курса евро не может быть причиной ухудшения торгового баланса Франции.

Исследование роли ценовых и неценовых факторов, влияющих на конкурентоспособность товарного экспорта и импорта четырёх крупнейших стран еврозоны (Германии, Франции, Италии и Испании), выявило, что для Франции статистически значимым является только показатель удельных затрат на рабочую силу (англ. – unit labour costs). Обнаружить значимого влияния неценовых факторов в период 1993–2012 гг. не удалось. Их авторы исследования измеряли при помощи индекса совокупной факторной производительности (англ. – total factor productivity), который позволяет судить об общей эффективности национальной экономической системы, включая эффективность инноваций и качество деловой среды (Giordano and Zollino 2016).

Эксперты Европейской комиссии трактуют ситуацию иначе. Они констатируют, что по уровню неценовой конкурентоспособности (то есть, качества) продукции Франция занимает 11-е место среди 37 стран ОЭСР. При этом её рейтинг снижался, особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. Тенденция объясняется ухудшением конкурентных позиций товаров среднего и ниже среднего качества, тогда как некоторые наиболее дорогие виды продукции, наоборот, улучшили свои позиции. Франция добилась впечатляющих результатов в отдельных отраслях специализации: в аэрокосмической промышленности, в производстве косметических товаров, напитков (в т. ч. вин и коньяков) и предметов роскоши. Но она показывает средние результаты в таких секторах, как машиностроение, электрическое оборудование, производство средств транспорта (включая автомобилестроение) и фармацевтика, на которые приходится подавляющая часть мировой торговли. Для возвращения утраченных конкурентных преимуществ эксперты рекомендуют сместить упор в инновационной активности с государственного сектора на частный, что повысило бы эффективность компаний и улучшило общий деловой климат (Burton and Kizior 2021).

Уровень конкурентоспособности национальной промышленности обычно напрямую зависит от общего уровня научно-технологического развития страны. Одним из основных его показателей являются затраты на НИОКР. Как и в рейтинге крупнейших экономик Евросоюза, здесь Франции стабильно принадлежит второе место после лидирующей Германии. В 2022 г. общие расходы на НИОКР составили во Франции 57 млрд евро, или 16% от общей для 27 стран ЕС суммы. Однако, если по объёму ВВП Германия превосходит Францию в 1,4 раза, то по расходам на НИОКР – в 2,1 раза (с общей суммой 121 млрд евро в 2022 г.). Аналогичным образом отставание Италии и Испании

от Франции оказывается в данной сфере гораздо более выраженным, чем по объёму ВВП. Согласно статистике Евростат, в 2022 г. Италия потратила на НИОКР 26 млрд евро, а Испания – 19 млрд евро. Причём Испанию обгоняли Нидерланды с показателем 22 млрд евро, а вровень с ней шла Швеция (также с показателем 19 млрд евро)¹⁷.

Как видно, в рассматриваемом аспекте второе место Франции имеет все основания сохраниться как минимум до второй половины XXI в., то есть ещё дольше, чем её второе место по размеру ВВП. Однако существует другой разрез, в котором позиции Франции выглядят далеко не столь убедительно. Речь идёт об удельных расходах на НИОКР в расчёте на душу населения. Этот показатель в последнее время стал замещать в международной статистике такой ранее широко распространённый показатель, как доля расходов на НИОКР в ВВП – видимо, ввиду малой размерности и сложно отслеживаемой динамики последнего.

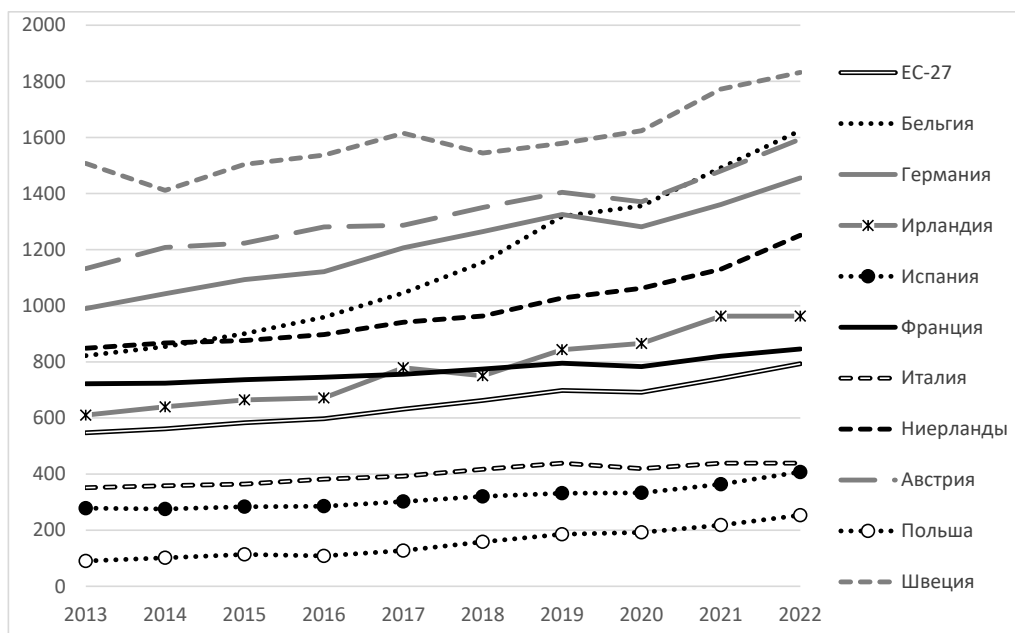

Рисунок 4. Расходы на НИОКР в расчёте на душу населения в странах ЕС в 2013–2022 гг., евро.

Figure 4. Gross domestic expenditure on research and development in EU countries from 2013 to 2022, euro per inhabitant

Источник: Eurostat, Table - GERD by sector of performance [rd_e_gerdtot]

¹⁷ Данные и расчёт по: Eurostat, GERD by sector of performance, last updated 31.01.2024.

По душевым расходам на НИОКР страны Евросоюза чётко делятся на две неравные по численности группы. Медианный показатель составлял 440 евро в 2022 г. и находился значительно ниже средней для всего объединения суммы в размере 790 евро. К первой группе с высоким уровнем душевых расходов относились (в порядке убывания) Дания, Швеция, Бельгия, Австрия, Германия, Финляндия, Люксембург, Ирландия и Франция – всего девять стран из 27. Остальные 18 государств располагались в этой табели о рангах в нижней трети распределения с показателями от до 70 евро в Румынии до 570 евро в Словении. К той же группе относились Италия и Испания. Франция замыкала девятку передовиков, среди которых с ранее предпоследнего места в 2017 г. её оттеснила Ирландия (Рис. 4).

Особенностью положения Франции является то, что её душевые доходы на НИОКР растут медленнее, чем в любой другой стране ЕС, за исключением Люксембурга. Так, средний для ЕС показатель увеличился в период с 2016 г. по 2022 г. на 33%, в том числе в Бельгии – на 70%, в Нидерландах, Испании и Ирландии – на 40%, в Германии и Финляндии – на 30%. Во Франции прирост составил только 14%, то есть был вдвое ниже средневзвешенного по Евросоюзу. Хотя многие страны Центральной, Восточной и Южной Европы значительно отстают от Франции по размеру душевых расходов на НИОКР и не имеют в ближайшие полтора-два десятилетия шансов догнать её, многие из них демонстрируют весьма энергичную динамику. Так, за исследованный промежуток времени душевые расходы на НИОКР увеличились в Польше, Латвии, Литве, Эстонии и Хорватии в 2–3 раза, а в Португалии, Греции, Чехии, Венгрии, Румынии и Болгарии – в 1,7–1,8 раза.

При сохранении текущей динамики душевые расходы на НИОКР во Франции опустятся ниже среднего по всем странам Евросоюза уже по итогам 2024 г. Складывающаяся ситуация аналогична той, которая рассматривалась применительно к ВВП на душу населения. С той только разницей, что психологически чувствительный для Парижа рубеж в научно-технической сфере будет пройден несколькими годами раньше, чем в сфере доходов.

Заключение

Присутствие французов в высших эшелонах экономической власти Евросоюза было на протяжении его истории непропорционально высоким. На протяжении 14 лет граждане Франции возглавляли Комиссию и свыше 30 лет руководили её экономическим и финансовым направлением –кратно больше, чем представители любой другой страны, включая близких по численности населения Германию и Италию. Франция внесла решающий вклад в формирование идейной базы и институционального устройства экономической политики

Евросоюза. Французский дирижизм и немецкий ордолиберализм образуют двуединый концептуальный стержень современной европейской экономической интеграции. Причём в последнее время по итогам мирового финансового кризиса и пандемии, а также в контексте начатого двойного перехода, дирижизм возвращает себе актуальность и практическую значимость.

Многие десятилетия Франция мостила дорогу к европейскому валютному союзу, доказывая примат валютного сотрудничества над экономическим. В настоящее время Германия и Франция играют ведущую роль в определении будущего еврозоны, Банковского и Финансового союзов, как и всей системы экономического управления ЕС.

Франция остаётся второй по размеру ВВП экономикой Евросоюза после Германии. Однако так было не всегда. С конца 1990-х гг. в долларовом исчислении Великобритания (за исключением нескольких лет) превосходила Францию по величине ВВП. Теперь, после выхода Великобритании из ЕС, второму месту Франции ничто не угрожает, оно наверняка сохранится в течение двух-трёх предстоящих десятилетий.

Вместе с тем доля Франции в совокупном ВВП Евросоюза неуклонно снижается, в 2023 г. она составляла менее 17%, по сравнению с 24% у Германии. Основная причина состоит в традиционно невысоких темпах роста французской экономики. Доля Франции стабилизируется в периоды низкой хозяйственной конъюнктуры, но как только европейская экономика вступает в фазу оживления и подъёма, отставание снова нарастает. Его также питает сформировавшиеся внутри еврозоны две разные модели роста, одна – за счёт экспорта, другая – за счёт потребления и накопления долгов.

На протяжении всего послевоенного периода Франция демонстрирует высокие, по европейским меркам, темпы роста населения. Её доля в общей численности населения ЕС неуклонно растёт. По уровню душевых доходов Франция занимает только 10-е место среди 27 государств – членов Евросоюза. Поскольку следующая за ней Италия развивается ещё медленнее, а динамичные государства Центральной и Восточной Европы находятся на гораздо более низком уровне, в ближайшие 10–20 лет ни одна из стран ЕС не сможет догнать Францию по данному показателю. Однако уже в 2030–2035 г. абсолютный показатель её душевого дохода имеет реальный шанс оказаться ниже средневзвешенной для всего Евросоюза величины. Отсюда встанет вопрос, насколько правомерно относить Францию к ядру объединения.

Франция постепенно утрачивает позиции в глобальной торговле, причём её доля в мировом экспорте сокращается быстрее, чем у других государств – членов ЕС. В отличие от большинства партнёров, Франция с начала XXI в. имеет постоянный и возрастающий дефицит в торговле товарами, что свидетельствует о недостаточной конкурентоспособности её продукции на внешних рынках. По абсолютной величине расходов на НИОКР Франция стабильно занимает

второе место в ЕС после Германии. Но её расходы на НИОКР в расчёте на душу населения растут медленнее, чем у 25 других участников объединения. Как следствие, их величина уже в 2024 г. может опуститься ниже средневзвешенного значения для всего ЕС.

В целом положение Франции в экономической системе Евросоюза характеризуется нарастающим дуализмом. С одной стороны, её идейный и организационный вклад в формирование и развитие экономической политики ЕС настолько велик, что заменить его не может ни одна другая страна. Германия остро нуждается в более или менее равноценном партнёре, который мог бы разделять с ней миссию визионера и бремя политического лидера в условиях перестройки глобального миропорядка. Сложившийся за десятилетия франко-германский тандем является критически важной частью политической культуры Евросоюза, двигателем его громоздкой бюрократической машины. Германия едва ли сможет и захочет принимать стратегические решения без учёта другого, отличного по своей природе мнения. Особенно теперь, когда критерии бюджетной дисциплины, на введении которых она настаивала при подготовке Маастрихтского договора, показали свою практическую неприменимость. Аналогичным образом не вполне функциональным оказался взятый из ордолиберализма принцип независимости центрального банка. ЕЦБ негласно отступил от него, когда вслед за ФРС и Банком Англии втянулся в политику количественного смягчения. Сегодня экономисты ставят под сомнение одностороннюю ориентацию ЕЦБ на поддержание стабильности цен – без оглядки на динамику занятости. Практически бесполезным оказался внедрённый с подачи Германии и тоже уходящий корнями в философию социального рыночного хозяйства принцип регулирования денежной массы с помощью количественного норматива МЗ.

Страны Центральной и Восточной Европы, на поддержку которых в текущих делах часто опирается Германия, по понятным причинам не могут быть источником нового экономического мировоззрения. Экономические школы Нидерландов и стран Северной Европы слишком близки к немецкой, чтобы создавать необходимое между полюсами напряжение. Из остальных государств – членов ЕС, пожалуй, только североитальянская экономическая школа и испанская школа менеджмента способны выполнять отдельные функции противовеса в диалоге с немецким истеблишментом.

С другой стороны, Франция, оставаясь второй экономикой Евросоюза, всё больше количественно и качественно отдаляется от ядра объединения, особенно от его наиболее успешной части. На некоторых треках страна зримо движется вниз. Высока вероятность, что в ближайшие годы Франция оторвётся от ядра ЕС и надолго займёт срединное положение между двумя сильно удалёнными друг от друга группами стран – ядром и периферией. Причём из-за того, что теперь в ЕС отсутствует полупериферия, положение Франции станет весьма особенным. Вследствие выраженной специфики Франции будет всё труднее

составлять пару не только Германии, но и любому другому партнёру по ЕС. Такая ситуация усилила бы асимметрию франко-германского тандема и увеличила риски, связанные с управляемостью объединения.

Аналогичным образом остающиеся в ядре страны – Нидерланды, Бельгия, Австрия, Ирландия, Швеция, Дания, Финляндия и Люксембург – не смогут составить пару Германии просто по причине своих размеров. В этом смысле существенное ослабление Италии и Испании после кризисов 2008–2011 гг., а также выход Великобритании изменили к худшему прежнюю конструкцию неформального управления интеграционным процессом, где главные идеи и решения вырабатывались крупными странами. Переход к подлинной многосторонности в системе управления ЕС, о котором говорила Урсула фон дер Ляйен при вступлении в должность в конце 2019 г., потребует от нового состава Комиссии больших усилий. При этом любое неосторожное движение Франции в сторону выхода из ЕС, пусть чисто спекулятивное, могло бы поставить Евросоюз на грань распада – с самыми непредсказуемыми и тяжёлыми последствиями для Европы и всего мира.

Об авторе:

Ольга Витальевна Буторина – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.
E-mail: butorina@ieras.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

UDC 339.92:061.1EU(44+430)

Received: July 30, 2024

Accepted: September 13, 2024

France in the EU Economic System: The Peerless Second

 Olga V. Butorina[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-7-44](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-7-44)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: France and Germany have historically played pivotal roles in formulating and advancing the economic policy of the European Union. The conceptual frameworks of German ordoliberalism and French dirigisme underpin the dual foundations of European economic integration. The United Kingdom's departure from the EU has reconfigured the composition of the Union's core, amplifying Germany's significance. This shift simultaneously elevates the Franco-German partnership while rendering France's position within the Union increasingly contingent upon its tangible economic strength. This article seeks to examine the evolving role of France within the EU's economic architecture, identify critical long-term trends, and forecast possible realignments in the balance of power within EU economic governance. The analysis includes an overview of France's intellectual and executive contributions to European economic and monetary policies, followed by a comparative assessment of international statistical data, emphasizing GDP dynamics, demographic trends, per capita income, trade balance, and R&D investment.

The findings reveal that, despite being the EU's second-largest economy, France has exerted a disproportionate influence on the Union's economic governance, surpassing that of any other member state. French representation in the upper echelons of EU economic and financial policymaking has been unmatched. In the contemporary geopolitical landscape, French dirigisme is experiencing a resurgence of relevance.

Nevertheless, France's share of the EU's overall GDP has been progressively declining, even as its demographic contribution to the Union has grown. With respect to per capita income, France ranks 10th among EU member states, marking the lowest position among the core economies. The aftermath of the global financial crisis and the eurozone debt crisis has led to a significant erosion of France's international competitiveness. Should these trends persist, projections indicate that France's GDP per capita will fall below the EU average by the end of the decade, potentially signaling a shift from core to semi-peripheral status. This development would exacerbate the asymmetry within the Franco-German axis, complicating efforts to recalibrate EU economic governance and policy direction.

Keywords: France, Germany, Italy, European Union, European Commission, economic policy, demography, competitiveness, international trade, R&D expenditures

About the author:

Olga V. Butorina – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009. E-mail: butorina@ieras.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements: This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

References:

- Bahmani-Oskooee M., Mohammadian A. 2019. Who Benefits from Euro Depreciation in the Euro Zone? *Empirica*. №3. P. 577–595. DOI: 10.1007/s10663-018-9408-8
- Bénassy-Quéré A. et al. 2018. Reconciling Risk Sharing with Market Discipline: a Constructive Approach to Euro Area reform. *CEPR Policy Insight*. №91.
- Blesse S., Havlik A. and Heinemann F. 2021. Euro Area Reform Preferences of Central and Eastern European Economic Experts. *Empirica*. №48. P. 155–179. DOI: 10.1007/s10663-020-09474-6
- Burton J. and Kizior M. 2021. Can We Evaluate the Non-Price Competitiveness of French Products Based on Export Data? *European Economy, Economic Brief*. №64. March. DOI: 10.2765/423473
- Covi G. 2020. Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes. *Empirica*. 48(1). P. 181–221. DOI: 10.1007/s10663-020-09477-3
- Danescu E.R. 2012. Economists v. Monetarists – Agreements and Clashes in the Drafting of the Werner Report, in: *A rereading of the Werner Report of 8 October 1970 in the light of the Pierre Werner family archives*. Sanem: CVCE.
- Garcia Calvo A. and Coulter S. 2022. Crisis, What Crisis? Industrial Strategies and Path Dependencies in Four European Countries after the Crash. *Journal of Economic Policy Reform*. 25(3). P. 191–210. DOI: 10.1080/17487870.2020.1785297
- Giordano C. and Zollino F. 2016. Shedding Light on Price- and Non-Price-Competitiveness Determinants of Foreign Trade in the Four Largest Euro-area Countries. *Review of International Economics*. 24(3). P. 604–634. DOI: 10.1111/roie.12225
- Harst van der J. 2014. The Common Agricultural Policy: A Leading Field of Action, in: Dumoulin M. (ed.) *The European Commission 1958–72. History and Memories of an Institution*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. P. 317–338. DOI: 10.2792/35424
- Hein E. 2019. Financialisation and Tendencies towards Stagnation: the Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and after the Financial and Economic Crisis of 2007–09. *Cambridge Journal of Economics*. №43. P. 975–999. DOI: 10.1093/cje/bez022
- James H. 2012. *Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank*. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, London.
- Josling T.E. and Swinbank A. 2013. EU Agricultural Policies and European Integration: A Thematic Review of the Literature. Verdun, Amy and Tovia Alfred (Eds.) *Mapping European Economic Integration*. Palgrave Macmillan. P. 18–37.
- Lovering J.A. 2023. Indicative Planning and France’s Backstage Contribution to Eurozone Governance, *Journal of Common Market Studies*. №4. April. P. 1–17. DOI: 10.1111/jcms.13480
- Micossi S. and Peirce F. 2020. Overcoming the Gridlock in EMU Decision-Making. *CEPS Policy Insights*. №3.
- Newman A. 2015. The Reluctant Leader: Germany’s Euro Experience and the Long Shadow of Reunification. In: Matthijs M. and Blyth M. (Eds.) *The Future of the Euro*. Oxford: Oxford University Press. P. 117–135.
- Rueff J. 1971. *Le Pêché monétaire de l’Occident*. Paris: Plon.

Rueff J., Hirsch F. 1965 *The Role and the Rule of Gold. An Argument*. Princeton, New Jersey: University Press.

Sapir J. 2015. The French Economy in 2014: from Short-Term Crisis to Structural Crisis. *Studies on Russian Economic Development*. 26(2). P. 168–177. DOI: 10.1134/S1075700715020112

Schild J. 2020. EMU's Asymmetries and Asymmetries in German and French Influence on EMU Governance Reforms. *Journal of European Integration*. 42(3). P. 449–464. DOI: 10.1080/07036337.2020.1730351

Schoeller M.G. 2020. Germany, the Problem of Leadership, and Institution-Building in EMU Reform. *Journal of Economic Policy Reform*. 23(3). P. 309–324. DOI: 10.1080/17487870.2018.1541410

Schramm L., Krotz U. 2023. Leadership in European Crisis Politics: France, Germany, and the Difficult Quest for Regional Stabilization and Integration. *Journal of European Public Policy*. №31. P. 1153–1178. DOI: 10.1080/13501763.2023.2169742

Seidel K. 2016. Robert Marjolin. Securing the Common Market through Economic and Monetary Union. Dyson, K. and Maes, I. (eds.) *Architects of the Euro. Intellectuals in the Making of European Monetary Union*. Oxford University Press. P. 51–74.

Somai M. 2019. Economic Patriotism and Liberalism in Present-Day France: Changing Role of the State in French Economy. In: Geröcs, T., Szanyi, M. (eds.) *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0_8

Stockhammer E., Wildauer R. 2016. Debt-Driven Growth? Wealth, Distribution and Demand in OECD Countries. *Cambridge Journal of Economics*. 40(6). P. 1609–1634.

Warloutet L. 2019. The EEC/EU as an Evolving Compromise between French Dirigism and German Ordoliberalism (1957–1995). *Journal of Common Market Studies*. 57(1). P. 77–93. DOI: 10.1111/jcms.12817

Weissenbacher R. 2020. *The Core-Periphery Divide in the European Union. A Dependency Perspective*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-28211-0

Belov V.B. 2019. Aktual'nye vyzovy i zadachi hozjajstvenno-politicheskogo tandema Germanii i Francii [Current Challenges and Tasks of the Economic and Political Tandem of Germany and France]. *Sovremennaya Evropa*. 2(88). P. 27–39. DOI: 10.15211/soveurope220192738 (In Russian)

Butorina O.V. 2019. Evro kak instrument integracii: itogi 20 let [The Euro as an Integration Tool: 20-Year Results]. *Sovremennaya Evropa*. 1(87). P. 14–26. DOI: 10.15211/soveurope120191426 (In Russian)

Zimakov A.V. (2019). Jenergetika Francii v poiske optimal'noj modeli [French Energy Sector in Search of an Optimal Model]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(5). P. 156–171. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-156-171 (In Russian)

Konina N.Yu. (2022). Osobennosti rynochnogo polozhenija evropejskih TNK v sovremennyh uslovijah [Contemporary Specific Features of the Market Position of European Multinationals]. *Sovremennaya Evropa*. 5(112). P. 78–91. (In Russian). DOI: 10.31857/S0201708322050060

Gromyko A.A. 2022. O problemah i perspektivah razvitija Evropejskogo sojuza [On the Problems and Prospects for the Development of the European Union]. *Problemy nacional'noj strategii*. №4. P. 71–83. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71 (In Russian)

Klinova M.V. 2024. Jekonomika kosmosa: global'nyj kontekst i opyt Francii [The Space Economy: Global Context and the French Experience]. *World Economy and International Relations*. №2. P. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-16-26 (In Russian)

Lapina N.Yu. (2020). Est' li shans vozrodit' francuzskuju promyshlennost'? [Is there a Chance to Revive French Industry?] *World Economy and International Relations*. №10. P. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-103-111 (In Russian)

Lunkin R.N. 2023. Prioritety Evropejskoj social'noj modeli (ESM): real'nost' i perspektivy [Priorities of the European Social Model (ESM): Reality and Prospects.]. Al.A. Gromyko (Ed.) *Europe in a Global Reconfiguration*; Institut Evropy RAN. Moscow: Ves' Mir. P. 172–191. (In Russian).

Mirkin Ya.M. 2020. Transformacija jekonomicheskoy i finansovoy struktur mira: vozdeystvie rastushhih shokov katastrof [Transformation of the World's Economic and Financial Structures: the Impact of Growing Catastrophe Shocks]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. №4. P. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5 (In Russian)

Mihajlov D.Ju. 2023. Nikolja Sarkozi i krizis Evrozony: federalizacija bjudzhetno-finansovogo sektora ES [Nicolas Sarkozy and the Eurozone Crisis: Federalization of the EU's Budgetary and Financial Sector]. *Sovremennaya Evropa*. №5. P. 72–83. DOI: 10.31857/S0201708323050066 (In Russian)

Obichkina E.O. 2007. Francuzskij podhod k evropejskoj integracii: Evropa kak «poljus sily» [The French Approach to European Integration: Europe as a “Pole of Power”]. Rubinskij Ju.I. (Ed.) *France in Search of New Ways*. Moscow: Ves' Mir. P. 476–524. (In Russian)

Obichkina E.O. 2019. Social'no-politicheskij krizis vo Francii: «zheltye zhilet» i zavershenie «pervoj fazy» pravlenija Je.Makrona [Socio-political Crisis in France: “Yellow Vests” and the End of the “First Phase” of E. Macron's Rule] *MGIMO Review of International Relations*. 2(65). P. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135 (In Russian)

Revenko L.S., Revenko N.S. 2021. Adaptacija gosudarstvennoj podderzhki jeksporta Francii k uslovijam pandemii [Adapting French Government Support for Exporters to the Pandemic]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. №10. P. 49–65. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-49-65 (In Russian)

Roginko S.A. 2023. Klimaticheskaja povestka ES i proschjoty jenergeticheskogo perehoda [The EU Climate Agenda and the Miscalculations of the Energy Transition]. Al.A. Gromyko (Ed.) *Europe in a Global Reconfiguration*, Institut Evropy RAN. Moscow: «Ves' Mir». P. 355–374. (In Russian)

Rubinskij Yu.I. 2018. Primety Vremeni: v 3-h t. T. 3. *Francija na novyh rubezhah* [Signs of the Times: in 3 Volumes, Vol. 3: France on New Frontiers.] Moscow: IE RAN. 384 p. (In Russian)

Rubinskij Yu.I., Sindeev A.A. 2024. Poisk novoj strategii franko-germanskogo tandema: vnutripoliticheskie faktory [The Search for a New Strategy for the Franco-German Tandem: Domestic Political Factors]. *Sovremennaya Evropa*. 1(122). P. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029 (In Russian)

Sapir J. 2022. Stanet li planovaja jekonomika nashim budushhim? [Will a Planned Economy be our Future?]. *Problemy prognozirovanija*. №6. P. 6–26. DOI: 10.47711/0868-6351-195-6-26 (In Russian)

Smyslov D.V. 1979. *Krizis sovremennoj valjutnoj sistemy kapitalizma i burzhuaznaja politicheskaja jekonomija* [The Crisis of the Modern Capitalist Monetary System and the Bourgeois Political Economy]. Moscow: Nauka. 424 p. (In Russian)

Timofeev P.P., Horol'skaja M.V. 2021. Pandemiya COVID-19 kak vyzov franko-germanskomu tandemu [The COVID-19 Pandemic as a Challenge to the Franco-German Tandem]. *World Economy and International Relations*. №8. P. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80 (In Russian)

Trofiimova O.E. 2015. Jevoljucija francuzskoj modeli social'nogo gosudarstva [The Evolution of the French Model of the Welfare State]. *World Economy and International Relations*. №5. P. 29–40. (In Russian)

Holopov A.V. 2008. *Istorija jekonomicheskikh uchenij* [History of Economic Thought]. Moscow: Jeksmo. 448 p. (In Russian).

Fjodorov S.M. 2018. «Plan Makrona» dlja Evropy: novyj start evropejskogo projekta v XXI veke? [The Macron Plan for Europe: A New Start for the European Project in the 21st Century?] *Sovremennaya Evropa*. №6. P. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620183039 (In Russian)

Fjodorov S.M. 2021. «Evropejskij proekt» Makrona: chetyre goda spustja (francuzskie plany i realii Evrosojuzha) [Macron's "European Project": Four Years Later (French Plans and the Realities of the European Union)]. *Sovremennaya Evropa*. 5(105). P. 68–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520216878> (In Russian).

Hrustaljova N. 2004. Francija na ishode stoletija: smena modeli regulirovanija jekonomiki [France at the End of the Century: Changing the Model of Economic Regulation]. *World Economy and International Relations*. №6. P. 61–70. (In Russian).

Литература на русском языке:

Белов В.Б. 2019. Актуальные вызовы и задачи хозяйственно-политического тандема Германии и Франции. *Современная Европа*. 2(88). С. 27–39. DOI: 10.15211/soveurope220192738

Буторина О.В. 2019. Евро как инструмент интеграции: итоги 20 лет. *Современная Европа*. 1(87). С. 14–26. DOI: 10.15211/soveurope120191426

Зимаков А.В. 2019. Энергетика Франции в поиске оптимальной модели. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(5). С. 156–171. DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-156-171

Конина Н.Ю. 2022. Особенности рыночного положения европейских ТНК в современных условиях. *Современная Европа*. 5(112). С. 78–91. DOI: 10.31857/S0201708322050060

Громыко А.А. (2022). О проблемах и перспективах развития Европейского союза. *Проблемы национальной стратегии*. №4. С. 71–83. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_71

Клинова М.В. 2024. Экономика космоса: глобальный контекст и опыт Франции. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(2). С. 16–26. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-16-26

Лапина Н.Ю. 2020. Есть ли шанс возродить французскую промышленность? *Мировая экономика и международные отношения*. 64(10). С. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-103-111

Лункин Р.Н. 2023. Приоритеты Европейской социальной модели (ЕСМ): реальность и перспективы. *Европа в глобальной пересборке*. Отв. ред. Ал.А. Громыко; Институт Европы РАН. Москва: «Весь Мир». С. 172–191.

Миркин Я.М. 2020. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 13(4). С. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Михайлов Д.Ю. 2023. Николя Саркози и кризис Еврозоны: федерализация бюджетно-финансового сектора ЕС. *Современная Европа*. 5(119). С. 72–83. DOI: 10.31857/S0201708323050066

Обичкина Е.О. 2007. Французский подход к европейской интеграции: Европа как «полюс силы». Рубинский Ю.И. (ред.) *Франция в поиске новых путей*. Москва: Весь Мир. С. 476–524.

Обичкина Е.О. 2019. Социально-политический кризис во Франции: «жёлтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(65). С. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. 2021. Адаптация государственной поддержки экспорта Франции к условиям пандемии. *Российский внешнеэкономический вестник*. №10. С. 49–65. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-49-65

Рогинко С.А. 2023. Климатическая повестка ЕС и просчёты энергетического перехода. *Европа в глобальной пересборке*. Отв. ред. Ал.А. Громыко; Институт Европы РАН. Москва: «Весь Мир». С. 355–374.

Рубинский Ю.И. 2018. *Приметы Времени: в 3-х т. Т. 3. Франция на новых рубежах*. Москва: ИЕ РАН. 384 с.

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. 2024. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутриполитические факторы. *Современная Европа*. 1(122). С. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029

Сапир Ж. 2022. Станет ли плановая экономика нашим будущим? *Проблемы прогнозирования*. №6. С. 6–26. DOI: 10.47711/0868-6351-195-6-26

Смыслов Д.В. 1979. *Кризис современной валютной системы капитализма и буржуазная политическая экономия*. Москва: Издательство «Наука». 424 с.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. 2021. Пандемия COVID-19 как вызов франко-германскому тандему. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(8). С. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80

Трофимова О.Е. 2015. Эволюция французской модели социального государства. *Мировая экономика и международные отношения*. №5. С. 29–40.

Холопов А.В. 2008. *История экономических учений*. Москва: «Эксмо». 448 с.

Фёдоров С.М. 2018. «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? *Современная Европа*. №6. С. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620183039

Фёдоров С.М. 2021. «Европейский проект» Макрона: четыре года спустя (французские планы и реалии Евросоюза). *Современная Европа*. 5(105). С. 68–78. DOI: 10.15211/soveurope520216878

Хрусталёва Н. 2004. Франция на исходе столетия: смена модели регулирования экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. №6. С. 61–70.